

№6

Июнь 2019

РУССКИЙ КЛУБ

Стр. 8

«Я ОСТАНОВИЛСЯ
В ТРАКТИРЕ...»

220

ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ

БАНК ВТБ — СПОНСОР ПРОЕКТОВ
В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДЗЕ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№6
(164)
Июнь 2019

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 6 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 8 «Я ОСТАНОВИЛСЯ В ТРАКТИРЕ...»
АЛЕКСАНДР СВАТИКОВ
- 12 ГОМЕР, НАВЕРНОЕ, БЫЛ БАРДОМ...
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 20 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 27 СПЕКТАКЛЬ КАК ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ
НИНА ШАДУРИ
- 32 МЕСТО ВСТРЕЧИ – САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
- 34 Я ШАГАЮ ПО ПЛАНЕТЕ
АНАИДА ГАЛУСТЯН
- 38 СКАЧИ, БЕЛАЯ ГРИВА!
ДАВИД АРУТЮНЯН
- 42 ДЕТСТВО, РАССТРЕЛЯННОЕ ВОЙНОЙ
ЛЕВАН ДОЛИДЗЕ
- 46 РОДЕН
ИРИНА МАСТИЦКАЯ
- 48 «В ГОРОДЕ БЕРДИЧЕВЕ»
ЗАРИНА КУШЕЛЬМАН
- 52 МАЙСКИЕ ВЕРНИСАЖИ
ИРИНА КВЕЗЕРЕЛИ-КОПАДЗЕ

На обложке – **ПАМЯТНИК А.С. ПУШКИНУ В ПУШКИНСКОМ СКВЕРЕ**
Фото: **Александр СВАТИКОВ**

Торжественно отметили в Тбилиси День независимости Грузии.

Фото: Александр Сватиков

ОТ ДО

■ Роб АВАДЯЕВ

НЕМНОГОСЛОВНЫЙ ГЕНИЙ

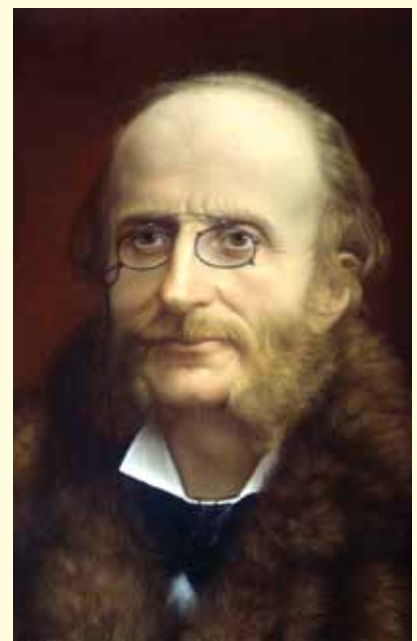
И все его творчество, и его более-менее благополучную жизнь, и даже его место в истории искусства можно охарактеризовать одним словом – успешность. В жизни этого художника не было мыканий по ветхим углам, холодных сырых зим в каморках под крышей, не было и темных сараев-мастерских, куда солнечный свет попадал на несколько минут в день. Словом, великий испанский живописец Веласкес, чей 420-летний юбилей отмечается 6 июня, в отличие от тысяч коллег не знал нужды, был почитаем современниками и критиками, имел заказчиков и твердый заработок, был приближен ко двору и даже к семье испанского монарха Филиппа IV. Диего Родригес де Сильва, так звали этого выдающегося представителя золотого периода испанской живописи, по существующей традиции в творчестве он принял фамилию ма-

тери Веласкес, с ней и вошел в историю. Он родился в Севилье и был старшим из восьми детей в семье. Уже в десятилетнем возрасте у Диего проявился художественный талант, и родители решили отдать его в ученики местному художнику Франсиско Пачеко – крепкому профессионалу, хоть и без большого таланта, верному последователю Рафаэля и Микеланджело, большому эрудиту, интеллектуалу и влиятельному представителю культурной элиты Севильи. К тому же Пачеко занимал должность цензора и эксперта по церковной живописи грозной святой инквизиции. Впрочем, он был гуманистом и ни в чем плохом историками замечен не был. А еще Пачеко был умен, терпелив и добр. И не мудрено, что в его школе учились и подружались Веласкес, Алонсо Кано и Сурбаран. А Диего даже породнился с учителем, взяв его дочь в жены. Впрочем, браки между семьями художников были обычным делом – проще было с распределением заказов, использование мастерских, легче было «ставить дело на поток». Так сказать, старинный аналог Союза художников. Тесть помог юному художнику «продвинуться» и даже помог молодой семье перебраться в столицу, где талант из утонченной Севильи в прямом смысле пришелся «ко двору». Веласкес очень быстро вошел в круг почитаемых живописцев и не испытывал недостатка в заказах. А после двухлетней творческой командировки в Италию был назначен придворным живописцем короля Филиппа IV. Его творческая манера была очень приятной глазу. Веласкес любил рисовать реалистические картины из обычной жизни, и его герои легко узнавали себя на многофигурных полотнах. Его работы даже считали «энциклопедией испанской жизни XVII века», а один из французских интеллектуальных эстетов XX века Андре Бретон как-то сравнил с гениальным Веласкесом знаменитого тонкого фотографа Картье-Брессона. Портреты Веласкеса были необычайны, в них он сумел передать тончайшие нюансы человеческой души. И рисовал он

самых разных людей, от короля с семьей и министров, от священнослужителей и торговых магнатов, до простых людей и даже придворных шутов. Когда его однажды попрекнули портретом придворного карлика, к слову, большого умницы и глубокого человека, сказав, что негоже тратить великий талант на уродливое, а лучше избрать более прекрасный предмет, Веласкес ответил: «Предпочитаю быть лучшим в изображении уродства, а не вторым в изображении красоты». И это чуть ли не единственное его высказывание, дошедшее до нас – немногословный был гений.

ШУТКИ ОФФЕНБАХА

Как-то выдающийся польский поэт и писатель, а по совместительству записной остро слов и ехидный умник Юлиан Тувим сказал об оперетте: «Велики и неисчислимы мерзости сценического зрелища, именуемого опереттой. Нищета идиотского шаблона, тошнотворной сентиментальности, дешевой разнузданности, убийственных шуточек, хамство «безумной роскоши». Да, многих действительно раздражает этот «легкий жанр», от природы обделенный любым намеком на серьезность, достоверность человеческих чувств. В котором «отец, действительно, может не узнать дочь, наде-

вшую новые перчатки», и прочие несурзанности и попросту глупости... Но не будем строги к «древней развлекухе», как говорит современная молодежь, и поверим, что серьезные музыканты и дирижеры всерьез играли «легкую» музыку, венцы обожают и считают оперетту своим национальным достоянием. А в истории многие великие композиторы уделяли этой легкой и остроумной «развлекухе» и время и талант, создавая шедевры. Одна «Волшебная флейта» Моцарта чего стоит, он вообще был любителем народных зингшпилей. И почему строгие критики не могут понять, что это для многих творцов – это попросту «не в серьез», шутки, юмор гениев? И вот таким чудным веселым остроумцем был великолепный Жак Оффенбах – автор бесчисленных популярных мелодий и шансонеток, популярных не только в блестящем Париже XIX века, но и по всей Европе и Америке. Он родился в Кельне, его отец был кантором городской синагоги. Семья была серьезной и набожной, дети росли в строгости, послушными и старательными. Прилежно занимались и готовились повторить карьеру строгого отца. Вдруг среди этого унылого мирка засверкал многими гранями яркий радужный кристалл – к счастью, он оказался твердым, как и свойственно кристаллам. Маленький Якоб отличался безудержно веселым нравом, был шаловливым, шумным и сразу продемонстрировал необычайные таланты в разных областях, особенно в музыке. Отец попросту махнул на него рукой – представить веселую, яркую, вольнолюбивую птицу в атмосфере молитв, было попросту невозможно. Отец стал учить его виолончели – Якобу Оффенбаху было позволено остаться «светским человеком». И «светским» он стал в самом прямом смысле. В пятнадцать лет он отправился в Париж поступать в консерваторию и стал навсегда не Якобом, а Жаком. Поступил в серьезное учебное заведение с легкостью, консерваторские учителя не могли нарадоваться, но доучиваться Жак не стал – завертела богемная жизнь. У

него оказался легкий, веселый дар сочинять забавные песенки на чудные мелодии. Слава пришла мгновенно, как к современным рок-звездам. Гастроли, гастроли, гастроли. Он играет в лучших мюзик-холлах, на самых радостных праздниках, своими песенками он даже смягчил сердце серьезной английской королевы Виктории и ее супруга принца Альберта. Парижане в Жака попросту влюбились. В 38 лет он принял французское гражданство, а в сорок два вручили орден Почетного легиона. Ему еще не было тридцати, когда Жак был назначен музыкальным руководителем театра «Комеди Франсез», а в 1855 году открыл свой собственный театр – «Буфф-Паризьен». Его оперетты идут по сей день: «Орфей в аду», «Прекрасная Елена», «Парижская жизнь», «Перикола», «Разбойники». И они полны жизни, юмора и веселой беззлойной насмешки. Вот таким светлым человеком был Жак Оффенбах. Остается один вопрос: а мог ли писать блистательный маэстро Жак серьезную музыку? И ответ может быть только один – а надо ли? На свете итак немало серьезного и даже драматичного. Пусть будет веселая музыка и смех. Пусть гремит его разудалый канкан. 20 июня исполняется 200 лет со дня рождения Жака Оффенбаха.

ТВОРЧЕСКИЙ ТАНДЕМ

Отечественному искусству очень везло на творческие союзы, от литературной игры в Козьму Пруткова братьев Жемчужниковых и Алексея Толстого до футуристов, «Серрапионовых братьев», Ильфа и Петрова,

братьев Стругацких и Гривадия Горпожакса (псевдоним Горчкова, Поженяна и Аксенова). А союзов мастеров разных жанров – литературы и музыки, просто не счесть. В этом июне мы отметим юбилей двух гениальных соавторов, но, конечно, прославлены они каждый по отдельности – это великий поэт Александр Сергеевич Пушкин и великий русский композитор Михаил Иванович Глинка. Пересказывать биографии этих гениев совершенно неблагоприятное дело – мы их знаем с детства. Следует сказать только, что они были прекрасно знакомы, нравились друг другу и были дружны более десяти лет до самой гибели поэта. Пушкин и Глинка родились в одном месяце июне с разницей в шесть лет. Их совместное творчество разнообразно, многое было салонной игрой для друзей. Но в истории значимы, прежде всего, десять романсов «Признание», «Я здесь, Инезилья», «Адель», «Не пой, красавица, при мне», «Ночной зефир» и другие и, конечно же, гениальная опера «Руслан и Людмила». А еще они были влюблены в двух женщин, носящих одну фамилию – мать и дочь, Анну и Екатерину Керн. Как известно, Пушкин посвятил Анне великое стихотворение «Я помню чудное мгновенье», но то, что романс Глинки посвящен другой Керн – Екатерине, знают немногие. Вот так!

Тбилиси. Абанотубани

«Я остановился в трактире...»

■ Александр СВАТИКОВ

В современных изданиях «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» А.С. Пушкина занимает около 40 страниц, из них пребыванию в Грузии отведено менее 11. Попытки расшифровать загадки этого художественного произведения, предпринятые за прошедшие 184 года (напомню, что «Путешествие» было написано спустя 6 лет после поездки) в сотни, если не тысячи раз, превосходят его объем. Но загадки остаются.

Попытка уточнить место проживания поэта в Тифлисе приводит к любопытным наблюдениям. Сам поэт лишь дважды его упоминает: «Я остановился в трактире...». Так начинается вторая глава. Ниже поэт еще

раз упомянет трактир: «В моем трактире кормили меня также дорого и дурно». Казалось бы, попытки уточнить адрес трактира будут безрезультатными. Тем интереснее проследить, как несколько поколений исследователей искали адреса, по которым мог проживать Пушкин во время проживания в Тифлисе.

В 1899 году, к столетию со дня рождения поэта, редакция газеты «Кавказ» выпустила книгу «Кавказская поминка о Пушкине». Здесь не только опубликовали в полном виде «Путешествие в Арзрум», но и хронологию поездки Пушкина, составленную выдающимся кавказоведом Евгением Густавовичем Вейденбаумом

(1845-1918). Спустя 70 лет после пребывания поэта в Грузии автор подчеркивал: «Пребывание Пушкина на Кавказе в 1829 году принадлежит к наименее известным в подробностях периодам в жизни поэта».

К тому времени уже были опубликованы воспоминания Н.Б. Потокского, как и К.И. Савостьянова, П. Ханжонкова, но записанные спустя несколько десятилетий они грешат неточностями и требуют дополнительного подтверждения; официальные документы крайне скупы, а единственное письмо поэта к Ф.И. Толстому, посланное из

Тифлиса в первый день приезда, коротко и не дает ответа на интересующие нас вопросы.

Е.Г. Вейденбаум подчеркивал: «Большой интерес для тифлисцев представляет вопрос: где жил Пушкин в Тифлисе? Считается достоверным, что ему была отведена для жительства комната в доме Цуринова на Эриванской площади, по линии, которая вследствие этого ныне называется Пушкинскою... Н.Б. Потокский говорит так же, что Пушкин поместился в единственной в то время небольшой гостинице Матасси. Остается предполагать, что Пушкин пожил у Матасси, перешел потом в дом Цуринова, или же что он жил в этом доме по возвращении из Эрзерума».

Вейденбаум сообщает скудные сведения о трактиршике: «Матасси имел ресторацию в доме армянского духовного училища, на нынешнем Солдатском базаре. Там же помещался тогда же и клуб или собрание. В 1828 году ресторация закрыта и Матасси перенес ее на Эриванскую площадь, против полиции, приблизительно туда, где ныне гостиница Кавказ».

Спустя 50 лет блистательный литературовед, музейный работник, некрополист, профессор Тифлисского университета Иван Константинович Ениколопов (1893-1994) в книге «Пушкин на Кавказе» попытался вновь найти ответ на этот вопрос.

«26 мая 1829 года в 11 часов вечера Пушкин прибыл в Тифлис и, как он писал, остановился в трактире... «Ресторация эта помещалась невдалеке от Эриванской площади; отсюда надо было спуститься на небольшую площадь, к почтовой конторе, напротив которой находился небольшой и тесный дом. Содержал эту ресторацию француз», – так писал один из современников поэта за несколько месяцев до него побывавший в Тифлисе.

Любопытно следующее наблюдение Ениколопова: «...дом Цуринова (который сохранился

вплоть до 80-х годов) состоял из двух этажей, из которых в верхнем жил домовладелец с семьей, а нижний был занят растворами. Никакого трактира там не было...

...трактир помещался на Грязной улице (ныне улица Желябова)».

Уточним, что на плане 1867 года эта улица нанесена как Большая Грязная, на плане 1900 года как улица царя Соломона, с 1923 года – Желябова, а с 1980 – Александра Дюма (отца).

Ениколопов приводит выдержку из сообщения французского консула Гамба. «Мы остановились у одного провансальца по имени Поль, гренадера французской армии, попавшего в плен в компанию 1812 г. Он приехал в Грузию с одним русским генералом как повар и недавно открыл в Тифлисе кухмистерскую – настоящее новшество в Азии. Это честный и почтенный человек». (Перевод с французского языка).

В 1987 году тбилисское издательство «Мерани» выпускает сборник «Шумит Арагва предомною...», составленный профессором Ваном Семеновичем

Шадури (1910-1988), автором более 40 книг, посвященных исследованию русско-грузинских взаимосвязей. Сборник приурочили к 150-летию со дня смерти поэта. Но и здесь есть ряд спорных заключений, в частности, предшественники указывали датой прибытия поэта в Тифлис 26 мая день 30-летия А.С. Пушкина, у В.С. Шадури дата сдвинута на один день. «Пушкин прибыл в Тбилиси по Военно-Грузинской дороге 27 мая поздно вечером и остановился в «трактире» на нынешней площади В.И. Ленина (помещение трактира не сохранилось), (на этом месте теперь находится музей Дружбы народов)».

В 1988 году московское издательство «Профиздат» выпускает в 2-х томах «Пушкинские места», главу, посвященную Грузии, подготовил В.С. Шадури. Датой прибытия поэта в Тбилиси на этот раз указано 26 мая. Со ссылкой на воспоминания Н. Потокского подчеркивается, что остановились попутчики «в единственной в то время небольшой гостинице иностранца Матасси». До 1828 года эту гостиницу (небольшой двухэтажный дом с балконом)

Ул. Александра Дюма

Памятник А.С. Пушкина в Пушкинском сквере

и при ней ресторан-клуб содержал француз Жан-Поль, которого упоминает в одном из писем А.С. Грибоедов. Здание гостиницы не сохранилось, оно находилось на месте дома 5 по нынешней Пушкинской улице».

Здесь несколько неточностей: Жан-Поль Матасси в 1828 году перенес свою гостиницу с ресторацией ближе к Эриванской площади и продолжал ею владеть, она примыкала к дому Цуринова, описание которого приводит В.С. Шадури.

В монографии Джуаншера Левановича Ватеишвили «Русская общественная мысль и печать на Кавказе в первой трети XIX века» (Москва, Наука,

1973) вновь повторяются ошибки предшественников, в сноске 103 подчеркивается: «Имеется в виду единственная в то время в Тифлисе гостиница, которую содержал тот же Матасси, владелец «Ресторации» при доме Армянского духовного училища. Пушкин сначала жил в этой гостинице... По возвращении из Арзрума Пушкин проживал в доме Цуринова на Эриванской площади...».

Путаница с адресами и именами продолжилась и в дальнейшем. Личность Матасси, его судьба, история первой в Тифлисе гостиницы, которая в судьбе города и русско-грузинских литературных связях играла

исключительную роль, долгое время оставались в тени.

В 2012 году журналист, искусствовед Ирина Дзуцова опубликовала комментированный словарь «В те дни ты знал меня Кавказ...», где были использованы как разыскания автора, так и ее дочери Альды Енгоян для словаря «Французы и Грузия. XII-XX вв.». Поиски в Государственном историческом архиве позволили заключить, что Жан-Поль Матасси – француз из Прованса, гренадер армии Наполеона, пленен при Березине в 1812 году. В 1816 году в качестве личного повара генерала и главнокомандующего Грузии А.С. Ермолова попадает в Тифлис. В 1818 году открывает первую гостиницу с ресторацией, а спустя десять лет переносит ее ближе к Эриванской площади. Горожане и гости города называли это заведение «У Поля». Здесь можно было вкусно поесть, побеседовать и потанцевать, полюбоваться женой Поля – черкешенкой Гулез и их дочерьми Марго и Нальжан.

Ениколопов справедливо утверждал, что Матасси фамилия Поля, В.С. Шадури – Поля и Жана, Поля и Матасси считал разными лицами. Дюбуа де Монпере в книге «Путешествие вокруг Кавказа» писал, что Жан-Поль позже ушел в немецкую колонию, откуда была его жена и где он поселился сам и вновь открыл ресторан. Сколько продержались гостиница и ресторан Матасси, открытая еще 1818 году, сменившая местонахождение несколько раз и в конце запутавшая поколения исследователей, неизвестно. Но вернемся в далекий 1818 год и вместе с Александром Сергеевичем Грибоедовым переступим ее порог.

«Приехав впервые в Тифлис, Грибоедов на время остановился в единственной в то время гостинице, небольшом двухэтажном доме с широким балконом, которую содержал француз Поля (ныне ул. Пушкина, 5; старое здание не сохранилось). При гостинице име-

лась ресторация-клуб, которую Грибоедов упоминал в своих письмах и дневниковых записях 1822 года. По приезде в столицу Грузии Грибоедов встретил Якубовича, с которым вскоре состоялась дуэль в окрестностях деревни Куки (Кукия ныне часть Тбилиси)», – из энциклопедии «Грибоедов» Сергея Фомичева. И вновь ошибочно указан адрес дома Цуринова, напомним, что в 1818 году гостиница находилась совсем в другом месте. В воспоминаниях, собранных Д.А. Смирновым, однозначно указано: «Только он (Грибоедов А.С.) приехал в Тифлис и вошел в какую-то ресторацию, как чуть ли не на лестнице встретился с Якубовичем... они стрелялись. Якубович был легко ранен. Грибоедову пуля пробил ладонь левой руки близ мизинца».

Александр Иванович Яку-

бович, офицер лейб-гвардии уланского полка, участник восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 года, в 1818 году за участие в знаменитой перекрестной дуэли был переведен на Кавказ в действующую армию. В дневниковых записях Н.Н. Муравьева-Карского детально отражены преддуэльные события и дуэль в Тифлисе. Одна из записей подтверждает, что А.С. Грибоедов отправился на дуэль из гостиницы Поля.

Так скромная гостиница провансальца Матасси в разные годы и по разным адресам предоставила кров двум гениям русской литературы – Грибоедову и Пушкину.

На обратном пути из Эрзерума А.С. Пушкин прибыл в Тифлис 1 августа: «Здесь остался я несколько дней в любезном и веселом обществе. Несколько

вечеров провел я в садах при звуке музыки и песен грузинских».

В книге Ениколопова со ссылкой на письмо бывшего директора Царскосельского лицея Е.А. Энгельгардта Ф.Ф. Матюшкину указывается, что поэт остановился у Вольховского. «Жил же Вольховский, как свидетельствует К. Вильбрахам, на Староинженерной улице (в дальнейшем Джорджиашвили, Дзнеладзе, ныне Табукашвили) в доме Военно-инженерного ведомства.

Вольховский Владимир Дмитриевич (1798-1841) – лицейский товарищ Пушкина, с 1826 года на Кавказе при И.Ф. Паскевиче, в 1828-29 гг. оберквартирмейстер отдельного кавказского корпуса.

6 августа поэт покинул Тифлис. Город, в котором с нетерпением ждали его приезда, где отметили его 30-летний юбилей. В 1892 году в центре Тифлиса, в Пушкинском сквере, при большом стечении народа был торжественно открыт пятый в Российской империи памятник А.С. Пушкину (скульптур Феликс Ходорович, архитектор Винченцо Пилек). В дни празднования 200-летия со дня рождения поэта на фасаде Орбелиановской бани в Абанотубани была торжественно открыта мемориальная доска с текстом «Ничего не знаю роскошнее тифлиских бань...» В этой бане и сегодня можно заказать пушкинский номер, неподалеку от нее Резо Габриадзе украсил фасад дома керамической плиткой с изображением А.С. Пушкина, летящего на Пегасе с рогом, полным кахетинского вина, в цилиндре в банных тапочках на босу ногу.

Сложилась добрая традиция – в день рождения поэта собираться в Пушкинском сквере и читать стихи на русском и грузинском языках. Не будет нарушена эта традиция и в этом году, когда мы отмечаем 220-летие со дня рождения А.С. Пушкина и 190-летие со дня пребывания поэта в Тифлисе.

Резо Габриадзе. Пушкин на Пегасе

Благодарные зрители

ГОМЕР, НАВЕРНОЕ, БЫЛ БАРДОМ...

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

Пока общественность рассуждает об истоках и перспективах авторской песни, в Тбилиси в пятый раз собрались лучшие ее представители, чтобы вновь доказать: жанр существует и отнюдь не собирается сдавать позиции. Скорее наоборот – по своему развивается. И предрекавшие неизбежный уход авторской песни из круга интересов нашего современника вынуждены признать жизненность и актуальность этого литературно-музыкального направления. В нынешнем году МКПС «Русский клуб» – организатор V Тбилисского международного фестиваля авторской песни «Пою друзьям» (как и всех предыдущих фестивалей) пригласил гостей из Азербайджана, Армении, Беларуси, Германии, Польши, России и Украины. К ним, конечно, присоединились грузинские барды.

ЖАНР ДЛЯ ИЗБРАННЫХ

Юбилейный проект, осуществленный «Русским клубом» при поддержке фонда «Русский мир», был посвящен 95-летию со дня рождения Булата Окуджавы – одного из наиболее ярких и любимых представителей авторской песни. Этой дате была посвящена фотовыставка, развернутая в фойе малого, а позднее – большого зала Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова. Среди представленных материалов наиболее любопытный – копия приказа, согласно которому Булат Окуджава в августе 1945 года стал штатным сотрудником Грибоедовского театра.

И, разумеется, на тбилисском фестивале прозвучали знакомые миллионам произведения Булата Шалвовича. Ис-

полняли эти песни на разных языках. Особенно отличился гость из Польши – поэт, композитор, радио- и тележурналист, педагог и переводчик Яцек Бесчиньски. Песни Окуджавы он исполнил на польском и русском и очаровал публику глубоким, душевным проживанием каждого шедевра – «Две дороги», «После дождика», «Ваше благородие» и других. Отдали дань памяти Окуджавы участники из Германии – автор музыки на стихи разных поэтов, актер и режиссер Михаил Гантман и исполнитель авторской песни Ольга Васильева. Они напомнили публике наиболее популярные песни Булата Шалвовича – «Пока Земля еще вертится», «Виноградная косточка» на русском и немецком языках. В их исполнении прозвучали и песни на иврите.

Если Гантман и Васильева не в первый раз стали участниками тбилисского фестиваля и уже успели понравиться нашей публике, то россиянам Валентине и Михаилу Трошенковым только предстояло завоевать ее симпатии. По признанию самого Михаила Трошенкова, он

Н. Свентицкий на концерте 9 мая

относится к классическим бардам-романтикам, поющим «про костер и про рыбалку». Один из примеров продолжения традиций Юрия Визбора – песня Трошенкова, прозвучавшая на фестивале. В ней есть такие строки: «Но наш маленький плот, день за днем, тундры не опасаясь, словно в небе плывет, бортом солнца касаясь, по Оби по реке, и слегка бородаты мы в простом котелке кипятили закаты. В закопченном простом котелке!». Запомнилась песня «Лоза» – гражданская лирика М. Трошенкова, отражающая трагические цхинвальские события.

Оригинальный поэт Валентина Трошенкова выступила со своими стихами, пропитанными муравьиной кислотой иронии. Горькой иронией пронизано и творчество своеобразного барда, поэта, художника из Армении Карена Мамиконяна. Песням предшествовали остроумные афоризмы, украсившие его выступление. «Я хочу умереть в понедельник» (стихи Максима Боль), «Письмо Богу», «Мужчина и кошка» (автор стихов – аноним «Шотландский виски»)

– тонкая, глубокая поэзия, облеченная в простую и легкую музыкальную форму.

Не в первый раз приняла участие в тбилисском фестивале поэт, бард, журналист из Беларуси Ольга Залесская. Она

Р. Авадьяев

пришла в авторскую песню в 1987 году и с тех пор занимает в пространстве «своей среды» лидирующие позиции. Это вдумчивый, серьезный автор. Хочется привести слова, сказанные Ольгой автору этих строк пять лет назад: «Это песни со смыслом. По внешним признакам авторская песня изменилась колоссально. Она стала профессиональнее, требовательнее к авторам и исполнителям, к текстам, музыке, уровню записи, оформлению – ко всему. Но это требование времени! Авторская песня – это, по сути, живой бренд, и как любой бренд он претерпевает изменения – ребрендинг. Однако остается то, что вложено изначально. Мы можем долго философствовать и рассуждать, но так и не сформулируем одного точного и исчерпывающего определения авторской песни. Почему она вызывает интерес? У каждого свое объяснение. Но абсолютно точно в ней есть нечто такое, что затрагивает в душе человека какие-то струны, заставляя или приглашая его слушать эти песни. А это занятие не простое. Как и чтение серьезной литературы, как и слушание классической музыки. Это тре-

Д. Имамвердиев

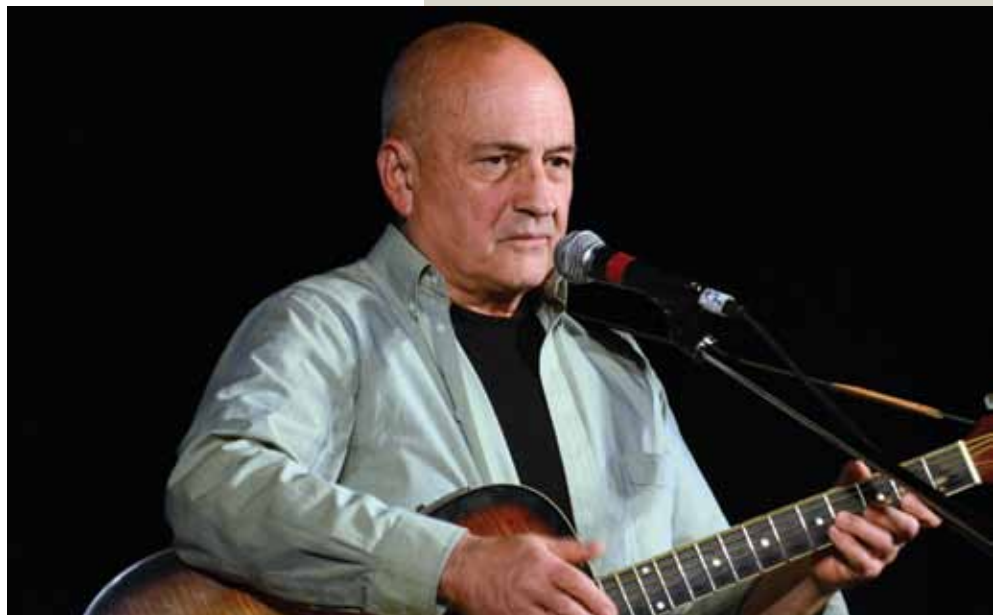
Я. Бесчиньски

бует большого труда души. Но не каждый хочет тратить на это свою жизнь и время. Но если уж человек приходит слушать авторскую песню, то в этом есть то главное, что я не могу определить в нескольких терминах... С одной стороны, вроде существует спад интереса к авторской песне. С другой, мы же есть! Представляете, сколько людей вышли из авторской песни. У них же есть дети. Они рядом с нами, растут на наших песнях, на той музыке, которую мы слушаем и любим. Возможно, они и не будут яркими поклонниками авторской песни. Но они несут эту культуру. Древнеегипетские зерна, хранившиеся тысячелетиями и попавшие в благотворную среду, прорастают. Она все равно продолжается в наших детях, какую бы музыку они не слушали – рэп или рок. Они передадут это своим детям – как ген. И кто знает, может быть, через сто-двести лет некто споет песню, которая кого-то тронет,

и начнется новый этап истории жанра».

На грибоедовской сцене Ольга Залеская исполнила песни «Мы с тобой одной крови», «Мы состаримся в джинсах», «Марш игрушек».

В. Арошидзе

Настоящим открытием для тбилисцев стал блистательный дуэт из России – Алексей (стихи, вокал, гитара) и Елисей Захаренковы (скрипка). Отец и сын представляют собой духовное и эмоциональное единство –

только таким высоким слогом можно определить градус творческого взаимодействия этих артистов. Именно – артистов! Поэзии Алексея Захаренкова (поэт, журналист, издатель) свойственна эмфатическая интонация, библейская образность, метафизика мысли. Это песни о любви, о необходимости проживания каждого мгновения с максимальной самоотдачей, страстью, верой в свое высшее предназначение и бесконечность бытия. «Жизнь не кончается – смерти нет!» – настойчиво повторяется в песне «Каждый охотник желает знать». «Тысяча лет в тоске», «Снова грачиный грей», «В путь, любимая, в путь!» – эти и другие произведения Алексея Захаренкова наполнены драматизмом. А скрипка юного Елисея? Она выражает самые сильные человеческие переживания, сложные чувства.

– Ни один термин не раскрывает глубинную суть авторской песни в принципе, – считает А. Захаренков. – Я называю то, что мы делаем с Елисеем, хардбардом. Хард – тяжелый, то есть непростой для восприятия слу-

шателя. Энергичный, харизматичный. Можно присовокупить и слово «рок» – есть в наших песнях и роковая интонация. Мы с Елисеем не очень публичные люди, и для нас авторская песня – не основной род занятий. Но это и не хобби! Если ты выходишь на суд зрителей, то должен делать все «от» и «до», по-настоящему, во всю свою силу. Ты не имеешь права нигде сфальшивить, оступиться, сделать плохо и неинтересно. Иначе смысла нет этим заниматься! Для нас авторская песня – часть жизненной игры. А играть можно только в удовольствие, и только – всерьез. Что касается нашего дуэта. В какой-то момент я почувствовал, что такого нет, и это может быть кому-то интересно. Вообще речь в нашем случае не идет об особой приверженности к авторской песне как к жанру – я люблю конкретных ее представителей. Так же, как люблю конкретных представителей поэзии, живописи и т.д.

Среди участников фестиваля были два именитых гостя с Украины – поэт, бард, композитор Владимир Васильев (Харьков) и

поэт, бард, филолог, переводчик Владимир Каденко (Киев). Оба – большие авторитеты в современной литературе, в поэзии, в области авторской песни.

«Владимир Васильев – один из самых известных и любимых бардов второго, пост-окуджавского поколения, – пи-

А. и Е. Захаренковы

шет писатель и литературный критик Дмитрий Быков. – Это поколение не слишком счастливое – биография большинства переломилась, им досталась трудная и глухая семидесятилетняя молодость, а потом крах СССР со всеми вытекающими. Васильеву феноменальным образом удалось сформироваться в тех самых семидесятих и стать не только благородным и человечным, но и жизнерадостным, исключительно веселым поэтом. Выручил его, вероятно, «Юг благословенный», где нравы мягче и климат милосерднее. Васильев – превосходный поэт, яркий музыкант и, как выяснилось недавно, сильный прозаик. Поистине всемирная извест-

К. Мамиконян

ловец, владеющий несколькими языками, замечательно разбирающийся в мировой культуре. «Нечто очень раннее, очень молодое, очень волнующее ведет его по очень старым темам. Какое-то шестое трепетное чувство языка, «мирозданности», красоты мира... Красота мира очень ранима. Поэт-озорник, сбежавший с урока, очень раним. Все и все вокруг учит поэта, дает ему и на уроки. А он идет дальше и погружается в галилейский простор, в простоту и немоту мира. Он маленький нежный ловец сердец с днепровских берегов. Гитара на его коленях, а кифара у его ног. Быть поэтом в такое ненастье нелегко. А он поэт, поэт-трубадур, малый Андерсен с украинских Карпат... Через него какая-то малая доза тишины проникает в наш безумно шумный мир», – говорит о Каденко французский славист Жорж Нива.

Этой тишиной Каденко поделился с тбилисцами через свое нежное «Малиновое варенье» (так называется песня), а тревогами – через «Песенку о неожиданной вражде», художественный отклик на украинские события последнего времени.

ность «Марша» не заслонила от ценителей жанра его умную, трагическую историсофскую лирику, его любовные стихи и песни с их удивительным сочетанием счастья и тревоги, его сатиру, в которой совсем нет желчности».

Владимир Васильев исполнил в Тбилиси свои лучшие произведения, давно ставшие классикой жанра: тот самый знаменитый марш «Духовой оркестр», «С берега на берег переброшенный мосток», «Коротким взмахом руки», «Мы», песня, написанная для спектакля «Голый король», и другие. В творчестве Васильева ощутимы фольклорные традиции, остро драматическое содержание часто облекается в шутивно-игровую форму.

Владимир Каденко – энциклопедически образованный че-

И. Парошина

Россию, кроме Трошенковых и Захаренковых, представили Елена Гурфинкель, Чингиз Бахадов и Дмитрий Курилов.

Многие песни поэта, журналиста, дизайнера Елены Гурфинкель пронизаны ностальгическими чувствами («Где ты, мой берег?»), в других отражены библейские и мифологические

приветствовала тбилисская публика почетного гостя из Баку – режиссера, сценариста, продюсера Джавида Имамвердиева – старого знакомого, известного представителя бардовского движения.

Ну и, конечно, порадовали свои, тбилиссские поэты и барды – философичный и мудрый

ты к вечному огню в тбилиском Парке Победы. А потом вышли на сцену Грибоедовского театра с песнями на военную тему, приняв участие в праздничном концерте. В фойе была развернута фотоэкспозиция: сцены из спектаклей театра, посвященных Второй мировой войне.

Открылся праздничный концерт замечательным выступлением молодого актера-грибоедовца Михаила Гавашели – он прочитал стихотворение «Реквием» Роберта Рождественского. А завершился знаменитой песней «День Победы» Давида Тухманова в ярком исполнении солиста ансамбля «Рустави» Давида Гвелесиани и его друзей. Запомнилось выступление Анны Егоян, прочитавшей отрывок из книги белорусского писателя Светланы Алексиевич «Цинковые мальчики».

УЖЕ НЕ «ЗОЛУШКА»?

В пресс-центре «Sputnik Грузия» прошла пресс-конференция по итогам фестиваля. **Гоги Чкония (Грузия):**

– На фестивале мне было интересно познакомиться с коллегами, послушать их произведения. Общение всегда обогащает.

Владимир Каденко (Украина):

– Во все времена авторская песня выражала протест. Протест не столько в политическом, сколько в эстетическом плане. Потому что это было совсем не похоже на то, что навязывалось нам пропагандой, политиками, партийными боссами. Авторская песня всегда была в оппозиции к такому подходу. Булат Окуджава – первый среди нас. Приятно побывать в городе Тбилиси, городе его детства и юности. Авторской песней занимались люди, не плывущие по течению, предлагающие свой взгляд на жизнь и существующий порядок. То, что сегодня происходит в связи с авторской песней, меня радует. Наконец-то она перестала быть «золушкой»: появляются телепередачи, выходят поэтические сборники, статьи, защищаются диссертации, посвященные ав-

О. Мchedlishvili

мотивы, через которые автор выражает свое отношение к вечным ценностям – таким, как любовь, преданность, долготерпение («Пенелопа», «Песня матери»).

Сценарист, бард, прозаик, поэт Дмитрий Курилов – автор диссертации об авторской песне как жанре русской поэзии советской эпохи. В его творчестве сочетаются лирика и юмор, что ярко проявляется в песнях «Лунные дети», «Она сказала: нет!», «Сивцев вражек», «Случай в городе N», «А мне достался ангел пожилой».

Покорил своей лирической интонацией автор и исполнитель авторской песни, профессиональный вокалист Чингиз Бахадов, обладающий голосом приятного, мягкого тембра. Тепло

Вахтанг Арошидзе («Откаты» – одна из лучших его песен), меланхоличный, минорный Гога Чкония, странная и неожиданная в своем поэтическом изломе Анна Григ, тонкий, интеллигентный Олег Мchedlishvili. Расширила свой творческий диапазон Ирина Парошина. Ее песни звучат все трагичнее, отражая глобальные катаклизмы, переживаемые человечеством, необратимые изменения, происходящие в душах людей.

Вел вечера исполнитель авторской песни, журналист, один из организаторов фестиваля Роб Авадяев, и делал это с присутствием ему шармом и артистизмом.

Барды отдали дань памяти погибших в Великой Отечественной войне, возложив цве-

Ч. Бахадов

торской песне. Словом, очень много положительных моментов!

Владимир Васильев (Украина):

– Есть расхожий штамп: «Я был на многих фестивалях, но такого, как этот, еще не видел!» На самом деле тбилисский фестиваль похож на другие в самом лучшем и главном. На таких встречах всегда царит единый дух – дух доброты. Юлий Ким очень точно определил сущность авторской песни: это фольклор образованной части населения. А вот Булат Окуджава не давал никаких определений жанру. Думается, авторская песня выше того «определенного» культурного уровня, что навязывают нам телевидение и прочие СМИ. Человек должен, прежде всего, думать. Авторская песня предполагает, что нас должны слушать – те, кто хорошо разбираются в музыке, поэзии, фольклоре. Особенность тбилисского фестиваля – именно в реакции публики. Очень теплая аудитория, адекватно реагирующая на все! Это замечательно, потому что если есть контакт – происходит и общение. Люди в зале могут сидеть молча, но все равно мы

разговариваем – ведем диалог. Это очень важно. А теплота, сердечность переходит из зала к нам, и это благостный обмен любовью! Для меня самый большой подарок – наконец увидеть Тбилиси. Что касается бардов Грузии, то, конечно, мне было бы интересно внимательно послушать их записи, вдумчиво почитать стихи. Уделить этому больше времени. И еще – общению. Посидеть, попеть вместе с ними. Уровень того, что я слышал в Тбилиси, – до-

Жанр развивается, расширяются его стилистические рамки. Мы росли в обстоятельствах оттепели и постоянного скепсиса в отношении официоза, в том числе и официальной литературы, которую преподавали нам в школе. И когда пришел Булат Шалвович Окуджава, то он убедил всех в том, что это и есть настоящая поэзия! Более того – что можно научиться аккомпанировать себе на гитаре и таким образом исполнять свои стихи. Я благодарен Булату Окуджа-

В. Каденко

стойный.

Михаил Ляшенко (Грузия):

– Если говорить об авторской песне, то, возможно, ее истоки уходят в далекую античность. Она получила развитие в неподцензурных условиях. И когда пришла свобода, показалось, что жанр размягчится, что он сойдет со сцены, ведь обстоятельства, которые стимулировали его развитие, исчезли. Но оказалось, ничего подобного! То, что жанр авторской песни выработал корпоративный способ существования, помогает ему жить. И это очень хорошо. Тбилисские фестивали являются доказательством того, что бардовская песня существует.

ва за то, что он пришел к нам в 1963 году...

Затем Михаил Ляшенко представил вышедший только что сборник «Кавказский серпантин», объединивший как русскоязычных, так и переведенных на русский язык авторов Северного и Южного Кавказа. Северный Кавказ представлен Чечней, Адыгеей и Дагестаном. Плюс три страны Южного Кавказа. Издание вышло в свет как приложение к журналу «Русский клуб». Руководитель проекта – президент МКПС «Русский клуб» Николай Свентицкий. А составителем сборника является издатель, поэт и художник Михаил Ляшенко.

Владимир Каденко (Украина):

– Тбилиси – город не просто многонациональный. Это перекресток культур и судеб. За судьбами – попытка выстоять культуре, настоящему слову. Для меня Тбилиси – глоток воздуха свободы. Несмотря на репрессии, которые сопровождали представителей грузинской культуры. Я пытаюсь найти то золото, без которого невозможно существовать в литературе. Это всегда открытие и ожидание чуда.

Владимир Васильев (Украина):

– Я люблю бродить по улочкам старого Тбилиси, любоваться старыми домами, проникаться духом города. К счастью, нам нечего делить – зато есть чем поделиться. Культуры могут друг друга только обогащать. И любопытство мое к другой культуре никогда не иссякнет. В человеке, который занимается творчеством, интерес к миру безграничен!

Карен Мамиконян (Армения):

– Прекрасный фестиваль! Я здесь приобрел новых друзей, встретился со многими интерес-

ными людьми. Здесь творили многие выдающиеся художники, писатели и т.д. И продолжают в этом гостеприимном городе жить и заниматься творчеством. Я впервые нахожусь в Тбилиси так долго. Свои праздничные впечатления я увезу с собой в Армению.

Владимир Каденко (Украина):

– Конечно, авторская песня меняется. В лучшую ли сторону, в худшую ли, сказать трудно. Потому что авторская песня молодеет. Но если раньше были какие-то мэтры, вершины, к которым все тянулись, то теперь все больше молодых людей участвует в этом движении. И среди них время от времени появляются талантливые люди. Хотя трудно сказать, кто и в какую сторону тянет одеяло. Потому что авторская песня – это, в общем-то, жанр избранных. Как писал Герцен, «узок круг этих революционеров, страшно далеки они от народа». Авторская песня не принадлежит массам. Это не жанр миллионов, это жанр если не единиц, то разве что сотен. Вот что происходит! А когда-то поэты главным образом пели свои стихи. Гомер,

В. Васильев

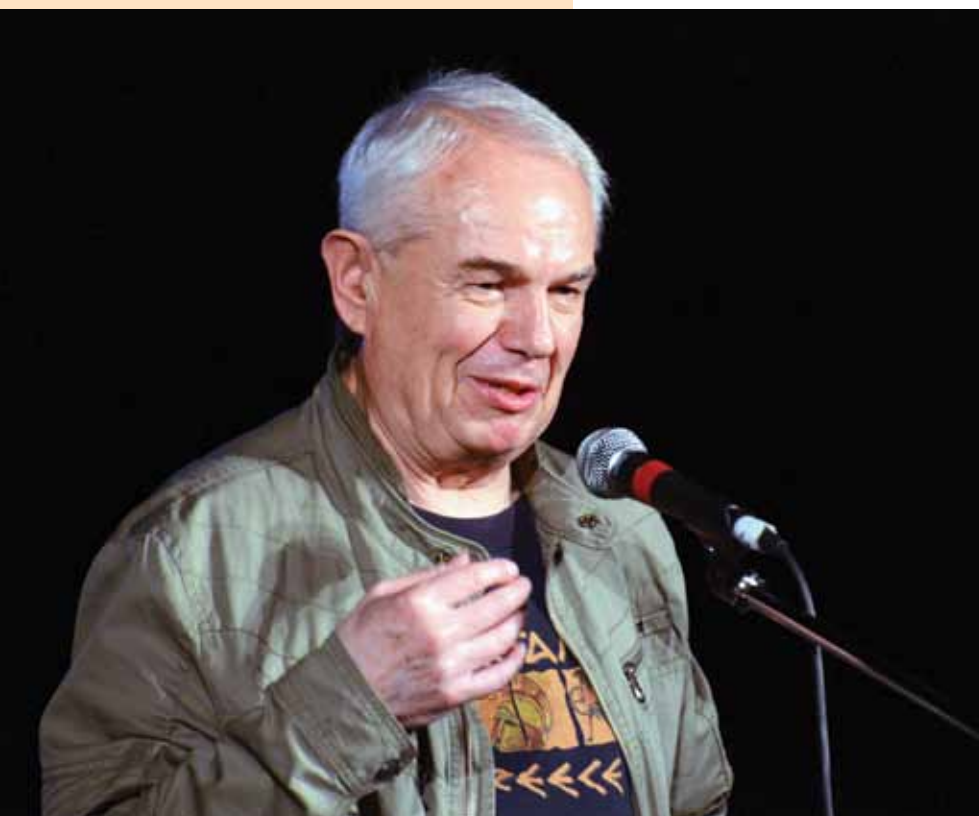

Г. Чкония

наверное, был бардом, и авторская песня берет начало с этих незапамятных времен.

Владимир Васильев (Украина):

– Песня возникла раньше стихотворения как такового. Когда мама укачивала своего ребенка. Этот жанр не умрет, ничего с ним не произойдет. Хотя он и переживает, на мой взгляд, не лучшие времена. Авторская песня как движение перестала существовать. Это все исчезло, остались просто барды, отдельные личности, творческие единицы, выступающие на фестивалях. Ничего страшного я в этом не вижу. Страшное я вижу в другом. Существуют более агрессивные жанры – попса, например, быстрее и активнее завоевывающая жизненное пространство. Развлечь, удивить, напугать – на этих трех «китах» зиждется их популярность. Не последнюю роль играет интернет, ведь он общедоступен! Конечно, авторская песня должна меняться, потому что это синтетический жанр: и рок, и джаз, и фолк. Единственное, что хотелось бы пожелать авторской песне – чтобы не опустилась поэтическая планка. Для этого и существуют творческие мастерские, а дальше все зависит от самого автора. От того, как он будет развиваться.

Большой телескоп Бюраканской обсерватории

Те имена, что ты сберег

■ **Владимир ГОЛОВИН**

Говорят, что на детях талантливых людей природа отдыхает. В тифлисской семье Амбарцумян это опровергли. Выпускник московского Института восточных языков и юридического факультета Санкт-Петербургского университета Амазасп не только перевел с древнегреческого на современный армянский язык гомеровские «Илиаду» с «Одиссеей» и несколько пьес греческих трагиков. Он занимался серьезными исследованиями в юриспруденции, филологии, философии, написал множество стихотворений. Среди научных интересов этого ученого, философа, педагога – и такая проблема, как жизнь и ее происхождение во Вселенной. Так что можно понять, почему его называли «армянским Леонардо да Винчи». А его сын Виктор, также окончивший университет

на берегу Невы, стал астрофизиком с мировыми именем, создал в родном вузе первую в СССР кафедру этой научной дисциплины, организовал в Армении знаменитую Бюраканскую астрофизическую обсерваторию. Его работы посвящены физике звезд и газовых туманностей, статистической механике звездных систем, внегалактической астрономии и космогонии. Нам, людям, далеким от науки, не понять этих сугубо специфических терминов. Поэтому просто запомним: Виктор Амбарцумян, один из основателей теоретической астрофизики, создал основополагающую модель процессов, протекающих в газовых туманностях, правильно оценил возраст Галактики и сделал два фундаментальных вывода: звезды продолжают образовываться и в нашу эпоху,

причем рождаются группами. Это, конечно, далеко не полный перечень. И все его открытия становились настоящей сенсацией. А началось все в доме номер 42 на Бебутовской (затем – Энгельса, а ныне – Ладо Асатиани) улице в районе Соллолаки...

В сентябре 1908-го в семье Амазаспа и Рипсима Амбарцумян, через год после рождения дочери Гоар, появляется на свет долгожданный сын, нареченный Виктором. Повзрослев, он утверждал, что отцу «обязан всем». Тот заметил, что уже в 3-4 года мальчик легко решает простые арифметические задачи и даже перемножает в уме любые двузначные числа. «Отец начал всячески поощрять мой интерес к таким упражнениям, – вспоминал дважды Герой Социалистического Труда, дважды лауреат Сталинской премии,

Виктор Амбарцумян

академик Академий наук СССР и Армении, президент Международного астрономического союза, лауреат Государственной премии РФ. – Он очень был воодушевлен и пытался даже в 5-6-летнем возрасте познакомить меня с алгебраическими задачами. Отец чрезмерно хвалил меня перед нашими знакомыми. По его мнению, я демонстрировал признаки математического таланта».

А это – объяснение его отца: «Несмотря на общественную работу и работу по адвокатской практике, значительную часть своих усилий я посвящал детям и их правильному развитию ... С осени 1912 года я начал более последовательно и более настойчиво проводить в жизнь принципы своего воспитания... Действенное, фактическое направление любознательности мальчика на географию (пространство) и на арифметику. Была куплена большая географическая карта, которая висела у нас на стене, являясь ареной всех детских соревнований, и параллельно были усилены упражнения по арифметике... Я умышленно поощрял демонстрацию и показ мальчиком своих знаний перед людьми –

перед удивлявшимися родными, знакомыми и незнакомыми. Таким образом, получались психологически сильно стимулирующие сеансы показа знаний... Виктор уже великолепно знал всю географию и полностью овладел арифметикой... Пространственная интуиция у него развилась до виртуозности, а способность мысленно оперировать арифметическими действиями была исключительной. Не глядя на карту, он легко мог описать расположение всех городов, рек, горных хребтов и вершин, всех морей и озер. Он знал и точно вычислял все расстояния и направления между географическими категориями, ясно представляя себе их географическое расположение».

В общем, когда Виктор в 1917 поступает в 3-ю тифлискую гимназию (ныне – 43-ю школу, прославленную многими выпускниками), выясняется, что в арифметике он сильнее других учеников. А пространственные интересы перерастают из географических в космические: «Я вычислю, определю все, что угодно – вес и величину солнца, расстояние до звезд, тяготение всех небесных светил!.. Я могу представить себе бесчисленное множество земных шаров! Лишь одна Луна светит ночью на небе, а мы можем представить себе бесконечное число таких лун! Сперва я буду подробно изучать Луну, Солнце и звезды, а потом начну свои вычисления».

Отец, считающий, что «психическая реакция на внешний мир происходит у Виктора концентрированно», не против такого увлечения: «Немедленно же после этого я купил и принес ему Стратонова «Солнце», Покровского «Каталог неба», Секки «Солнце», Лапласа «Система мира», Фламариона – какое-то сочинение, Джорджа Дарвина «Луна» и две брошюры о Марсе. И с этого дня Виктор всецело углубился в изучение этих книг. Изредка, отрываясь от книг, он обращался ко мне с вопросами, на которые

я отвечал по мере сил. Через несколько месяцев Виктор уже был маленьким астрономом. Он серьезно обсуждал со мной астрономические проблемы и рассуждал о качестве прочитанных книг».

Своими познаниями в астрономии мальчик делится с друзьями и в гимназии, и во дворе. А когда ему покупают телескоп, он каждый вечер, «окруженный толпой любознательных товарищей и знакомых по двору», проводит свои наблюдения. А взрослые, слышавшие, что он рассказывает в тесном кругу, требуют публичных докладов «для всего общества». Несмотря на возражения многих друзей и знакомых Амазаспа, такая лекция все-таки прочитана. И 9 июня 1921 года армянская газета «Красная Звезда» публикует восторженный отклик. В том же году увлечение астрономией уводит мальчика в 4-ю гимназию – там преподает лучший в Тифлисе педагог по этой дисциплине, выпускник Московского университета Николай Сундуков. Под его руководством совершаются первые попытки самостоятельных исследований, и вскоре у 11-летнего Виктора

Родители астронома

Виктор (в центре) с Гоар и Леоном. 1913 г.

появились три самостоятельные научные работы. Правда, нигде не опубликованные, но сохранившиеся в архиве его отца.

А вне учебы Виктор – в центре культурной жизни тифлисской армянской общины. Он встречается с замечательным поэтом-лириком Вааном Терьяном, на утреннике в 3-й гимназии декламирует стихи перед великим армянским писателем Ованесом Туманяном, тот хвалит и целует мальчика. «В жизни я получал много премий и орденов, но до сих пор я считаю наивысшей наградой эту похвалу Ованеса Туманяна», – признавался Амбарцумян. На всю жизнь запомнилось ему и выступление отца в Товариществе армянских писателей. Тот – секретарь товарищества и делает доклад о новом сборнике стихов грузинских символистов на русском языке. В дискуссии участвуют и грузинские поэты во главе с Григолом Робакидзе и Паоло Яшвили. «Несмотря на бурную дискуссию, – вспоминал ученый, – атмосфера была очень дружелюбная. Чувствовалось, что обе нации уважают друг друга, а разногласия являются теоретическими».

Еще одно яркое воспоминание – проводы лидера армянского национально-освободительного движения Андраника Озаняна. Вся 3-я школа отправляется к дому Туманяна, где национальный герой Армении приветствует тифлисских учащихся перед тем, как отправиться в эмиграцию. «Мы не знали, что он окончательно прощается с Закавказьем», – писал Амбарцумян.

Но вот среднее образование получено, и в 1924-м Виктор с сестрой Гоар решают отправиться на учебу в Ленинград, по стопам отца. Правда, тот настаивает, что сын должен специализироваться в математике, но поскольку на выбранном факультете ее изучают вместе астрономией, дает согласие. С письмом учителя Сундукова члену-корреспонденту Академии наук СССР, пулковскому астроному Сергею Костинскому, в котором Амбарцумян рекомендуется как «молодой человек, серьезно относящийся к науке», Виктор отправляется в путь. Но билеты удастся достать только до Ростова-на-Дону, и до Ленинграда брату с сестрой приходится проделать долгий путь «на перекладных», в товарных вагонах. Едут они с компанией веселых питерских студентов, встречают интересных людей, и это – первые уроки школы самостоятельной жизни.

С ленинградскими коллегами. 1930-е гг.

В Ленинграде юные тифлиски снимают комнату у знакомых отца и начинают готовиться к университету. А сделать это ой как нелегко – необходимо быть рабочим или иметь «пролетарское происхождение». Да и прием уже закончен. И Виктор поступает в Педагогический институт имени А. И. Герцена, где прием еще продолжается. Там он учится полтора года на физико-математическом факультете. А отец настаивает в письмах, чтобы он отправился с рекомендательным письмом к Костинскому, и юноша едет в Пулково, причем от станции идет пешком по снегу, уже затемно. Он остается ночевать у ученого, на следующий день тот показывает знаменитую Пулковскую обсерваторию и приводит на доклад ее директора о зарубежной поездке. Амбарцумян надолго задерживается в библиотеке, осматривает оборудование. А сама встреча с Костинским производит на него огромное впечатление и оказывается очень полезной:

«Я очень обрадовался, что его советы совпали с моими взглядами... Он указал, что мне необходимо знать все три иностранных языка (немецкий, французский, английский). В первую очередь – немецкий (на русском языке нет ни одного курса небесной механики). В

Виктор в 40-х годах

противном случае вместо науки придется заниматься кустарничеством. Он посоветовал мне в течение первых двух лет изучать физику, математику, иностранные языки. После этого только, имея солидную подготовку, можно будет приняться за серьезное изучение астрономии». Ну а Костинский пишет Сундукову в Тифлис письмо о его ученике и подчеркивает в нем слова: «У него хорошая голова и большая начитанность, хотя он слишком молод».

Между тем обладателю хорошей головы живется в Ленинграде совсем не легко. Денег иногда не хватает даже на трамвай, и приходится в дождь и снег проделывать 4-километровый путь до института. Сестра Гоарик, с первой попытки не поступившая в вуз, готовит еду и обшивает обоих, а Виктор умудряется добывать дрова и продукты. После сильного наводнения надолго исчезает электричество и заниматься приходится при свечах. Отец помогает, как может. И для этого работает на «нескольких фронтах»: адвокатская практика, преподавание в коммерческой школе, частные уроки, подготовка абитуриентов к вузам. И

даже иногда присылает чай и мандарины для перепродажи, однако коммерческой жилки у его детей нет. К счастью, подключается Народный комиссариат просвещения Закавказья: успешному студенту устанавливают государственную стипендию в 50 рублей. И брат с сестрой радостно сообщают отцу, что смогли купить «даже примус за 11 рублей, сковородку за 1 рубль 50 копеек и дрова на зиму за 12 рублей».

А когда Гоарик поступает на мехмат университета, деньги, в основном, тратятся на покупку научной литературы, постепенно у обоих набирается сотня книг, но и этого мало. И Амазасп по частям присылает всю имеющуюся дома научную и учебную литературу. Благодаря этому Виктору удается много заниматься, и переведясь в 1926-м в университет, он не только легко сдает все экзамены, но и вместе с другом Николаем Козыревым пишет работу по определению высоты факелов над атмосферой Солнца, которую печатает немецкий журнал «Astronomische Nachrichten» («Астрономические новости»). А всего в студенческие годы он умудряется опубликовать в солидных изданиях 16 научных работ по стремительно развивающейся науке – теоретической астрофизике. И становится корреспондентом-наблюдателем авторитетного «Русского обще-

ства любителей мироведения». На третьем курсе он – уже один из лучших студентов. Среди его университетских товарищей – будущие светила науки: физик Лев Ландау, математик Сергей Соболев, механик Сергей Христианович, астрофизик Георгий Гамов...

В 1927-м только что перешедший на 4-й курс Амбарцумян – практикант в Пулковской обсерватории, через год, окончив университет и став аспирантом, уже работает в ней. Причем помимо исследований умудряется с друзьями Николаем Козыревым и Дмитрием Еропкиным устроить там грандиозную мистификацию. Их, успешно выступавших на многих семинарах, астрономы считают вундеркиндами. И они решают разыграть старших коллег, объявив, что переписываются с живущим в Индии гениальным физиком-теоретиком Бодичараккой. Он присылает свои сложные труды и просит отзывов, так что необходимы обсуждения на семинарах и комментарии в научном журнале. Друзья зачитывают перед учеными наукообразную абракадабру, созданную Амбарцумяном, и озадаченная аудитория стремится на следующий семинар. После нескольких семинаров «индусу» подготовлен ответ в том же псевдонаучном духе и ставится вопрос о публикации. В типогра-

С супругой Верой

Большая семья Амбарцумян

фии уже набирается текст, когда шутники понимают, что зашли слишком далеко и во всем признаются. Поднимать скандал одураченным ученым невыгодно, и все «спускают на тормозах».

Шутки – шутками, а в 1931 году, окончив аспирантуру, 23-летний Амбарцумян уже читает серьезные лекции по теоретической астрофизике. Впервые в СССР. Так начинается стремительная научная карьера. Через три года он – уже профессор, перейдя из Пулково в университет, основывает и целых 14 лет возглавляет первую в стране кафедру астрофизики. В 1935-м ему без защиты диссертации(!) присуждается ученая степень доктора физико-математических наук, Потом он становится директором университетской обсерватории, а в 31 год избирается членом-корреспондентом Академии наук СССР. Перед самой войной его назначают проректором университета по научной работе.

А что же в личной жизни? Отец с матерью перебираются к нему в Ленинград, и в 1930-м аспирант приводит к ним 18-летнюю красавицу Верочку Ключихину. Молодой ученый часто ездит по научным делам в обсерватории грузинского Абастумани и крымского Симеиза. И в Крыму знакомится с этой девушкой. Они сразу договариваются о встрече, и когда Вера приезжает в Ленинград на учебу, Виктор под Новый год знакомит ее с родителями. Вера Федоровна прожила с ним 58 лет и родила четырех детей, которые стали успешными математиками и физиками. Она отлично владела английским и некоторое время преподавала в Ереванском педагогическом институте. А великолепным голосом поразила участников XI съезда Международного астрономического союза в Калифорнии, спев романс «Отцвели уж давно хризантемы в саду» на приеме, организованном советской делегацией.

Репрессии 1930-х минуют семью Амбарцумян, но в это десятилетие страшный удар ей все же

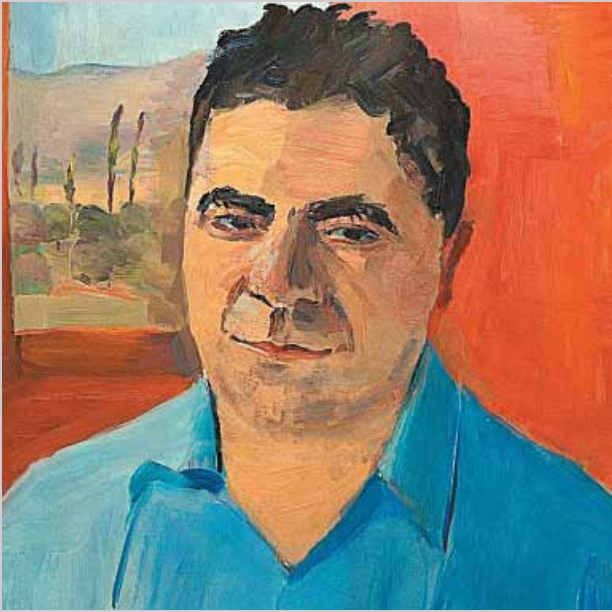
нанесен – в гравиметрической экспедиции погиб младший сын Левон, не успевший поступить в вуз. Он был на пару лет моложе Виктора. Семье было трудно пережить это, но жизнь продолжается. И к 1941 году кажется, что она совсем наладилась... Первые два дня войны Виктор не уходит из университета, заменяя уехавшего в командировку ректора. А 24 июня его вызывают в военкомат. Мобилизация, форма рядового красноармейца и направление на аэродром Витрино в Ленинградской области. Но вскоре выясняется, что членов и членов-корреспондентов Академии наук СССР не используют в качестве рядовых, и в начале июля Амбарцумяна отзывают из армии. Проректору университета поручают отобрать сотрудников, составить из них филиал ЛГУ и вместе с лабораторным оборудованием отправиться в глубокий тыл

С академиком И. Орбели

«для выполнения работ оборонного значения».

И вот товарные вагоны в середине июля увозят в Казань семьдесят научных сотрудников и их семьи вместе с Амбарцумяном, его родителями, беременной женой, тремя малолетними детьми и сестрой с маленьким сыном. По плану эвакуации, разработанному еще до войны, филиал ЛГУ должен разместиться в здании Казанского авиационного института. Однако там – уже несколько московских учреждений. Приходится обращаться в местный университет, а в нем размещают Академию наук СССР с ее институтами. И все же ректор находит для ленинградцев кровати, а Амбарцумян едет в Москву, в Центральную эвакуационную комиссию. И в ней решают, что филиал обоснуется в педагогическом институте Елабуги, города в Татарстане. Туда добираются на корабле по Волге и Каме, расселяются у местных жителей. Семья Амбарцумяна живет в двух комнатах, сам Виктор Амазаспович – в крохотном закутке. Зимой морозы достигают 45 градусов, в первый год теплой одежды не хватает, питание только варено из муки, дети болеют...

М. Сарьян. Портрет В. Амбарцумяна. 1950-е гг.

В следующие два с половиной года живется полегче. И за этот срок Амбарцумян добивается успеха не только в астрономии, впервые получив функциональные уравнения переноса излучения в атмосферах планет. Эти его исследования оказываются необходимыми и военным, особенно – морякам и авиаторам, которым надо обнаруживать объекты в мутной среде – в тумане и в море. Ученому приходится много ездить в специализированные конструкторские бюро различных городов. А ближайшая железнодорожная станция Кизнер – в ста километрах, и в лютую стужу он добирается до нее на санях... В конце концов, с наитруднейшей математической задачей и созданием аппаратуры он справляется блестяще. Разбирать эту работу нет смысла – ничего не поймем. Но о ее сути тогда вкратце говорили: «Амбарцумян сотворил чудо, дал возможность видеть в тумане и в

Работа в Бюранканской обсерватории

морских глубинах». После войны рассекреченная работа получает разносторонние применения не только в математической физике, но и в других областях науки.

В 1942 году ректор эвакуированного в Саратов Ленинградского университета Александр Вознесенский требует, чтобы туда переехал и Амбарцумян. Но тот отказывается покинуть налаженный коллектив, решающий важные проблемы. Конфликт не успевает разгореться, потому что в один из приездов в Москву, в 1943-м, Амбарцумян

Президенты Академий наук: Грузии - Н. Мусхелишвили, СССР - М. Келдыш, Армении - В. Амбарцумян

С американским писателем У. Сарояном

встречает директора Эрмитажа Иосифа Орбели. Кстати, тот тоже рос на Бебутовской улице в Тифлисе, правда, намного раньше Виктора. Выдающийся востоковед сообщает земляку, что решен вопрос о создании Академии наук Армении: «Вы не откажетесь работать в ней?» Амбарцумян сразу соглашается. В декабре он уже в Ереване, ему сообщают, что открытие Академии прошло хорошо, и что он... уже избран ее вице-президентом. Весной 1944-го он едет из Еревана в Саратов, чтобы проститься с Ленинградским университе-

В последние годы жизни

том, откровенно беседует с ректором, тот понимает его, и они расстаются дружески. А затем – в Елабугу, где Амбарцумян забирает семью и навсегда увозит ее в Армению.

Увидев, что тамошние астрономы ютятся в университетской обсерватории на территории города, опытный ученый понимает: проводить мало-мальски серьезные исследования в ней невозможно. Нужна новая обсерватория с большим телескопом в относительно недалеко от Еревана месте, где высока прозрачность атмосферы, много ясных ночей, нет отсветов от электрических огней населенных пунктов. Самым подходящим место оказывается село Бюракан на склоне горы Арагац, на высоте около 1500 метров. Удивленный секретарь райкома партии предлагает другие села – это уж больно бедное, и ученые будут испытывать неудобства. Но астрономы продолжают проверки, изучения и в 1946 году появляется небольшой домик. В его шести комнатах и живут, и работают, инструменты – на улице. Потом появляются новые помещения, оборудования и – первый успех: бюраканские астрофизики получают многочисленные спектры переменных звезд.

Сейчас главное детище Амбарцумяна, носящее его имя, – одно из ведущих астрономических научных учреждений СНГ. Его основной инструмент «ЗТА» (Зеркальный телескоп им. Амбарцумяна) – один из крупнейших в Европе. В этой обсерватории открыли почти две тысячи галактик, спроектировали два телескопа для орбитальной станции «Мир», отслеживают движение космического мусора, изучают возможные формы жизни во Вселенной.

Амбарцумян, в 1947-м избранный после Орбели президентом Академии наук Армянской ССР, оставался на этом посту 46 лет. И 42 года руководил Бюраканской обсерваторией. Его имя носят малая планета (1905 Ambartsumyan), открытая в 1972 году крымскими астрономами, гора в Антарктиде и учрежденная в Армении международная научная премия за выдающуюся научную работу в астрофизике, а также в примыкающих к ней сферах физики и математики. Но вот на какое сравнение наводит материальное выражение этой премии, присуждаемой раз в два года. После учреждения премии в 2010-м оно составляло полмиллиона, а с 2016-го года – 300 тысяч долларов. Пенсия,

которую получал национальный герой Армении Виктор Амбарцумян в последние годы жизни вплоть до смерти в 1996 году, была ...50 долларов. Увы, тогда историческая родина не могла дать ему больше – это были труднейшие для нее времена...

Неподалеку от башни Бюраканского большого телескопа, рядом с родителями и женой похоронен человек, которому знаменитый представитель русской математической школы Иван Виноградов прилюдно сделал весьма примечательный выговор. В 1953 году Амбарцумян благодарил подходивших к

Бюст В. Амбарцумяна в Бюракане

нему ученых за поздравления в связи с избранием в члены Академии наук СССР. И Виноградов с нарочитой сердитостью сказал ему: «Зачем вы благодарите? Это их нужно поздравлять, так как, избрав вас, они сравнялись с вами».

Леонид Алимов

СПЕКТАКЛЬ КАК ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

■ Нина ШАДУРИ

В Тбилиси при полных аншлагах прошли гастроли Театра-фестиваля «Балтийский дом». Это не первый приезд театра в Грузию – два года назад в рамках Международного фестиваля искусства Gift на сцене театра им. Марджанишвили тбилисцы имели удовольствие увидеть спектакль «Анна Каренина». А вот в Грибоедовском балтдомовцы выступали впервые. Они представили две постановки – острую комедию «О чем говорят мужчины&женщины» Анджея Бубеня по пьесе известного французского драма-

турга Ясины Реза «Бог резни» и самый зрелищный спектакль последних лет «Тарас» Сергея Потапова по мотивам повести Николая Гоголя. Это был успех! Вот как сами гости описали свои впечатления о Тбилиси (цитируем официальную страницу театра, чтобы нас не заподозрили в пристрастности): «Наши артисты только и говорили о том, как их тепло принимали грузинские зрители и какая замечательная страна! Команда «Балтийского дома» впервые приехала в Тбилисский государственный академический русский драматический театр им. А.С. Грибоедова. Показывали два спектакля,

и два вечера их принимали так, словно это были премьеры. Море цветов, аплодисменты – теплее этого приема было только солнце за окном. Прощаясь с грузинскими зрителями, балтдомовцы дали слово вернуться еще. Кажется, исполнения этого обещания не придется ждать три года».

Действительно, «Балтийский дом» подарил нам два удивительных театральных зрелища – ярких, динамичных, захватывающе интересных. Заглавную роль в «Тарасе» и одну из главных ролей в спектакле «О чем говорят...» исполнил Леонид Алимов, известный актер и режиссер. Ученик Льва Додина, он служил в Малом драматическом театре (Театр Европы, Санкт-Петербург), одновременно сотрудничая со всеми крупнейшими театрами северной столицы. В его послужном списке – Обломов («Жизнь Ильи Ильича» И. Коняева), Берлиоз и Тригорин («Мастер и Маргарита» и «Чайка» И. Вайткуса), Фамусов («Горе уму» А. Белинского), Полоний и Ляпкин-Тяпкин («Гамлет» и «Ревизор» В. Фокина), Нароков («Таланты и поклонники» И. Райхельгауза)... Творческую жизнь в театре артист сочетает с плодотворной работой в кинематографе – он снимался у С. Снежкина, Ю. Мамина, А. Рогожкина, А. Балабанова и др. Режиссер-постановщик спектаклей «Доктор Живаго» Б. Пастернака, «Театральный роман» М. Булгакова, «Матренин двор» А. Солженицына и др. С апреля 2018 года – главный режиссер Санкт-Петербургского театра им. В.Ф. Комиссаржевской.

– Вы впервые в Тбилиси?

– Впервые. И уже влюблен в ваш город. Закончился Советский Союз, закончилась моя юность, и я не успел побывать в Тбилиси. Надеюсь, что нынешний приезд – не последний. Очень хочу приехать еще раз, в том числе и с моим театром. Постараюсь изо всех сил.

– Как спектакль «О чем говорят...» выдержал сравнение с фильмом Романа Полански «Бог резни»?

– Мы выпустили спектакль почти одновременно с фильмом. Работали параллельно с Голливудом. В первые два месяца спектакль назывался так же, как пьеса – «Бог резни». Нам со всех сторон говорили, что такое название отпугивает. В русском языке слово «резня» вызывает ужасные ассоциации. И что вы думаете? По

– Тема войны не пугала?
– Нет. Мне бы хотелось, чтобы наше отношение было очевидным. Я против войны, против вражды наших народов, будь то Украина, Грузия или другая страна. В нашем спектакле, по-моему, это прочитывается.

– Простите за некорректный вопрос. Ваша театральная биография впечатляет – великие авторы и пьесы, лучшие режиссеры. А в кино... Несмотря на огромное коли-

с Вертинским. Интересный материал, да и режиссера я очень люблю, это наша вторая совместная работа. Я спокойно отношусь к своей кинобиографии, поскольку очень удовлетворен судьбой в театре. Кино для меня – это дополнительный заработок. Хотя, наверное, не стоит говорить такие вещи в интервью.

– Но кто знает, какая роль ждет вас впереди?

– Да, это правда.

Сцена из спектакля «Тарас»

общему решению мы назвали спектакль «О чем говорят мужчины&женщины» и сейчас постоянно играем на невероятных аншлагах. Сработало! У меня стойкое ощущение, что в фильме Поланского что-то не срослось. Словно какая-то искусственность есть, чего, как мне кажется, нет у нас. А если говорить о «Тарасе», то это пьеса и спектакль, сделанные якутскими драматургом и режиссером. Поначалу была притирка. Вроде бы и Гоголь, а вроде и нет...

чество ролей, никакого сравнения с театром. Почему так сложилось?

– Из-за своей фактуры я обречен играть и сыграл множество грузин, азербайджанцев, цыган... При этом в театре ни разу не играл подобных ролей. Хотя снимался и снимаюсь у очень хороших режиссеров. Вот сейчас приступаю к съемкам в картине о Вертинском, которую будет снимать Дуня Смирнова. Играю роль знаменитого дореволюционного поэта Юрия Морфесси, который все время находился в контрах

– Что для вас значит быть учеником Льва Додина?

– Хороший вопрос. Знаете, так совпало, что мне как раз вчера звонили журналисты и просили сказать несколько слов в связи с юбилеем Льва Абрамовича. Я шел по мосту через Куру и говорил о Додине. Я не только его ученик, но и много лет проработал у него в театре. Самая главная черта додинцев – огромная требовательность и к себе, и к тем, с кем работаешь. Теперь я сам – главный режиссер и нахожусь в том возрасте, в каком был он,

когда набирал наш курс, и...

– И почувствовали, что вы тоже – немного Додин?

– Мне сейчас кажутся очень правильными все слова, которые он нам говорил. И я очень часто ловлю себя на том, что говорю, как он, требую, как он. Учитель, ничего не поделаешь.

– Но требовательных много, а Додин один. Вы сможете узнать в актере ученика Додина?

– Конечно! Моментально. Я вижу это сразу. Его актеры отличаются поразительной правдой. Додин всегда добивается правды: если любишь – люби, ненавидишь – ненавидь. Таков его метод. Это очень сложно, поэтому Лев Абрамович всегда очень долго репетирует.

– Таким же был Фоменко.

– Да, недаром Додин так любит его спектакли. Для него смерть Фоменко стала личным горем.

– Вы работаете с выдающимися театральными режиссерами.

– Мне очень повезло. Благодарен судьбе, что так получилось. Если говорить о западных мастерах, то они разные, но при этом все работают по-западному, и мне это нравится. Они приезжают не со «старым названием», которое быстро ставят заново, то есть тиражируют, а с новым спектаклем, и ставят его в единственном числе – здесь и сейчас. Кроме того, западный режиссер всегда очень хорошо подготовлен. Четырех часов репетиций в день бывает достаточно, потому что режиссер точно знает, чего хочет, до малейших деталей. Спектакль у него в голове уже поставлен. При этом, конечно, он ориентируется на тебя, на твою психофизику и ставит очень четкие, конкретные задачи. Я очень люблю такой стиль работы, и его, мне кажется, сейчас не хватает. Особенно в современном рус-

ском кино, почему я и отношусь к нему иронически, хотя и снимаюсь бесконечно. И этого же не хватает молодым театральным режиссерам. Я захожу на репетицию и, к своему огорчению, слышу: давайте попробуем вот так, а может, вот эдак... Значит, режиссер не готов. Хотя, если меня приглашают как актера, то режиссер во мне отключается – только скажите, что делать. Никогда не вмешиваюсь, даже при очевидных оплошностях. Я очень послушный артист. Могу про себя прошептать: «Это же неверно». Потом, увы, так и оказывается.

– А какой вы режиссер? Говорят, что режиссер обязан быть диктатором.

– Обязан. Великий Георгий Товстоногов, который, кстати, начинал в Тбилиси, сформули-

ровал так: «Театр – это добровольная диктатура». Может, я старомоден, но считаю, что это именно так. Невозможно иначе. Помню, я ставил спектакль в одном театре, и там возникла смешная ситуация – артисты предложили проголосовать, в каких костюмах они выйдут на поклон.

– Вот это да!

– Я был приглашенный режиссер, никого из них не знал. «Вы что, серьезно? – сказал я. – Как можно в театре голосовать? Вы выйдете в тех костюмах, которые выберу я». Должно быть так и только так.

– В числе авторов, которых вы ставили, Вампилов, Булгаков, Солженицын, Довлатов... Один из успешных ваших спектаклей – «Театральный роман», не так ли?

Сцены из спектакля «Тарас»

Сцена из спектакля «О чем говорят мужчины&женщины»

– Да. Это одна из моих самых любимых книг и спектакль, который получился. Театр «Балтийский дом» постоянно ставит его в репертуар, поскольку зрительская популярность – невероятна. Спектакль стал абсолютным гимном театру и признанием в любви «Балтийскому дому». И он очень смешной. Во втором акте зрители просто лежат от смеха.

– Наверное, на той сцене, когда «Станиславский» ведет репетицию?

– На этой сцене зрители сползают на пол. Не знаю, как репетировал Станиславский, но я использовал манеру одного очень известного театрального режиссера. Не буду называть, какого именно, это, наверное, и не важно.

– Что вы репетируете сейчас?

– Две очень большие работы. На следующий же день после возвращения из Тбилиси приступлю к постановке «Обломова» Гончарова. Я сам написал инсценировку. Я когда-то играл Обломова в спектакле по пьесе Михаила Угарова, но все

эти годы мне хотелось самому поставить этот спектакль.

– Чем будет отличаться ваш Обломов от других? Или это преждевременный вопрос?

– Нет, я отвечаю, я знаю ответ. Мне кажется, что в этой истории очень точно отображен русский характер. Хотя я сам, пожалуй, Штольц. Меня жена все время ругает: «Почему ты не можешь отдохнуть хоть одну минуту?» Я глубоко убежден, что при всей любви Гончарова к Обломову для него главный человек – Штольц. Сам Гончаров всю жизнь работал, как проклятый, и мечтал быть Обломовым – лечь и ничего не делать. При этом он прекрасно понимал, что страну тащат на себе не Обломовы. Ни в коем случае. Обломовы ее одухотворяют. Обломов и Штольц – две половины одного целого. Русская половина – ленивая, мечтательная, добрая. Между прочим, мне нравится, что Гончаров настаивает на том, что Обломов не пьет. Ему все время предлагают выпить, а он все время отказывается.

– Я никогда не задумыва-

лась об этом...

– А вы обратите внимание. Это очень важно – Обломов всегда находится в трезвом сознании.

– А второй спектакль?

– Приступаю к репетициям «Земли Эльзы» по пьесе Ярославла Пулинович. Она ученица Николая Коляды – екатеринбургская школа. Это очень хорошая, очень русская пьеса из современной жизни.

– Вы будете репетировать параллельно два спектакля?

– Да. Премьеры пройдут друг за дружкой осенью этого года. Театральный сезон мы откроем «Землей Эльзы». В конце октября-начале ноября покажем «Обломова».

– Ну, так работать может только Штольц!

– Так и есть.

– Когда вам предложили стать главным режиссером театра имени Комиссаржевской, вы согласились сразу?

– Сразу. Я прежде там поставил несколько спектаклей – «Доктора Живаго» - он и и сей-

час продается влет, «Матренин двор», которым горжусь. Это самый проблемный по зрителю, но совершенно бескомпромиссный спектакль – мы совершенно не заигрываем с публикой. Так что я был внутренне готов.

– И не жалеете?

– Не жалею. Да, это тяжело, это огромная ответственность, надо решать множество проблем, и не только творческих. Занимаюсь всем – актер заболел, актриса ждет ребенка и так далее. Но не жалею. Мне интересно.

– Как у вас с посещаемостью?

– Могло бы быть лучше.

– В чем причина?

– Как объясняют сами зрители, жизнь настолько сложная, что никто не хочет смотреть на какие-то сложности еще и на сцене. У нас все время идет чудовищная борьба по этому поводу. Я считаю, что не надо облегчать репертуар. Не надо! Все идет по этому пути – ставят комедии, водевили, фарсы и все что угодно. Я с этим не согласен.

– Как вы относитесь к экспериментам на сцене? К тому, что фраза Андрея Гончарова «какую телеграмму будем отсылать в зрительный зал» уже устарела?

– Говорю совершенно серьезно, и об этом свидетельствуют все мои спектакли: на сцене интересен только человек со всеми его переживаниями, страстями и бедами, радостями и горестями. А зритель должен ему сопереживать. Я абсолютный апологет театра Товстоногова, театра Додина, театра Фоменко. Для меня только это интересно. Формы, естественно, могут быть разные. Если необходимо, чтобы человек был одет в шинель, пусть так и будет, если надо, чтобы он разделся, пускай раздевается. Хотя я считаю – и как актер, и как режиссер – что фокус заключается в том, что-

Сцены из спектакля «О чем говорят мужчины&женщины»

бы добиваться самых ярких образов и эмоций при отсутствии внешней экстравагантности. То есть актер остается одетым, а я, зритель, вижу, что он разделт. Это поразительно. Кроме того, я сторонник нестандартного распределения ролей, и многие удивляются моим распределениям. Я вообще против всяких привычных клише в театре: этот артист – герой, та актриса – героиня, этот – смешной, тот – трагический. Я ломаю штампы. Если я вижу, что толстяк может проявить себя в героической роли, то он будет играть героическую роль. У меня в этом смысле благодатная почва – как и другие режиссеры, которые пришли в режиссуру из актерства, я хорошо чувствую актерскую природу и кухню. Я знаю: актер с радостью идет к непривычному.

– Какой из современных спектаклей произвел на вас впечатление?

– Я смотрю очень много спектаклей, бесконечно бегаю по театрам. И скажу со всей откровенностью: мне до сих пор очень интересен Лев Додин. В свои 75 лет он остается моим ровесником.

– Можем ли мы надеяться, что театр имени Комиссаржевской все-таки приедет к нам на гастроли?

– Есть несколько спектаклей, которые я очень хотел бы показать в Тбилиси. Прежде всего, «Доктор Живаго» и «Матренин двор».

– Ждем с нетерпением!

На молодежном форуме «Русское зарубежье»

МЕСТО ВСТРЕЧИ – САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Весной 2019 года в Санкт-Петербурге один за другим состоялись сразу два масштабных проекта для соотечественников, проживающих за рубежом: XVI образовательная программа «История государства Российского» (Культурно-исторический университет) и XII форум соотечественников «Русское зарубежье». Организатором обоих проектов выступил Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга.

Образовательная программа этого года была посвящена Году театра и получила название «Театральный Петербург». С 10 по 21 апреля 62 соотечественника из двадцати стран мира слушали лекции, посещали музеи и театры, участвовали в дискуссиях. Вопросы истории русского театра, современной театральной жизни осветили в своих лекциях петербургские специалисты: декан театроведческого факультета РГИСИ, доцент кафедры русского театра

РГИСИ, кандидат искусствоведения Е.Э. Тропп, заведующий кафедрой театрального искусства РГИСИ, доктор искусствоведения А.А. Чепуров, профессор кафедры режиссуры и актерского мастерства театра

кукол РГИСИ, кандидат искусствоведения А.Ф. Некрылова, зав. кафедрой пластического воспитания РГИСИ, кандидат искусствоведения Т.Е. Кузовлева и др.

В культурную программу вошло посещение Исторического парка «Россия – моя история», Пискаревского мемориального кладбища, дома-музея Федора Шляпина, Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки, дома-музея актеров Самойловых, Музея русской драмы, Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства и другие мероприятия.

Участниками Программы из Грузии стали историк, педагог Инга Бичинашвили (Гори) и филолог, заведующая литературной частью Тбилисского русского театра им. Грибоедова Нина Шадури.

В форуме «Русское зарубежье», который прошел в Санкт-Петербурге с 16 по 22 мая, приняли участие 79 молодых соотечественников из 45 стран. В том числе – два делегата из Грузии: актриса Тбилисского русского театра им. Грибоедова Нина Нинидзе и журналист Алиана Аветян.

Форум провел свою работу

Книги «Русского клуба» - в подарок РГИСИ

На Пискаревском кладбище

по трем направлениям. В рамках секции «Искусствоведение» (руководитель – директор Фонда содействия развитию образования, науки и искусства Кристина Сасонко) с участниками занимались ведущие специалисты Arts Square Gallery, Электротeatра им. К.С. Станиславского, Молодежного театра на Фонтанке, Фонда Альма Матер, школы Masters и др. Участникам секции «Лидерство» (руководитель – директор Центра личностного развития С.-Петербургского университета информационных технологий Анастасия Причисленко) свои знания передавали маркетологи и бизнес-тренеры Санкт-Петербурга. Работники зарубежных русскоязычных СМИ (руководитель секции – директор ТАСС в С.-Петербурге Александр Потехин) посетили Информационное агентство «ТАСС», телеканал «78», издательский дом «Комсомольская правда» в Санкт-Петербурге и «Панорама TV».

Все участники форума принимали участие в тематических дискуссиях и круглых столах. Делегаты посетили Пискарев-

ское мемориальное кладбище, Малый драматический театр, Эрмитаж.

«Программа форума была очень насыщенной и разнообразной, – рассказала Нина Нинидзе. – Один спектакль легендарного Льва Додина «Враг народа» чего стоил! Но мне бы хотелось особо выделить интереснейший круглый стол «О проектной деятельности театров» и выступление Филиппа Воронина, первого заместителя директора драматического театра «Электротeatр Станиславский». Это было очень интересно, очень познавательно и очень полезно. Скажу больше – я настолько вдохновлена, что собираюсь как можно скорее применить полученные знания на практике».

Трудно переоценить значение подобных проектов. Их цель (или, если угодно, миссия) – не просто очень важна. Она – благородна. В наше напряженное сложное время организаторам удалось подарить десяткам соотечественников из-за рубежа великую роскошь доброго человеческого общения на русском

Н. Нинидзе на экскурсии в музее

языке, преподать им новые знания, которые будут необходимы в каждодневной работе, одним рывком расширить дружеский и профессиональный круг каждого участника. Это не только работа и творчество, но и – миротворчество. А какая деятельность может быть более благодарной и благородной в наши дни?

Соб.инф.

Давид Арутюнян. Автопортрет

Я ШАГАЮ ПО ПЛАНЕТЕ

■ Анаида ГАЛУСТЯН

Нас познакомила лошадь – Белая Грива. И старичок, гостивший у сына в городе и скучавший по родным горам, любимому селу, где прожил всю жизнь и где осталась могила его верной супруги. Как тосковало ее материнское сердце по сыну, как ждала она его каждый день! Но не так просто преодолевать расстояние, когда там, далеко, учеба, работа, молодая семья... Так и не дождалась. А еще лошади – надежные и преданные друзья, оставленные на попечение соседа. Но разве чужой человек сможет так любить, так заботиться о них, как он сам? Да еще случилась беда – заболел пожилой человек в

городе, а заботливые сын с невесткой непустили домой, в родные горы. И тут увидел он на площади лошадь, катающую детей, обрадовался, залюбовался и больше затосковал. Даже имя ей придумал – Белая Грива. Молодой парнишка, с которым старик познакомился на базаре, проникся жалостью к своему соотечественнику, узнал, где живут хозяева лошади и отвел к ним своего старшего друга. Хозяин лошади понял, в чем дело, радушно принял приезжего человека, с трудом говорившего по-русски, угостил, рассказал о себе – добрые люди всегда найдут общий язык. А потом подвел к лошади и сказал: «Скачи давай!» Гость с легкостью оседлал

ее и поскакал навстречу ветру, совсем как там, на родине, в Армении, и благодаря Белой Гриве вновь обрел уверенность и надежду.

Вы заметили, сколько добра, человечности, тепла и света в этом коротком рассказе замечательного писателя Давида Арутюняна? Все его творчество именно такое – светлое и человеческое. И не имеет значения, о ком его истории и где они происходят – это обо мне. Или о моих родных, соседях, друзьях... Потому что мне близки и понятны эти ценности: как любовь к животным, забота о родителях, верные, добрые люди, встречный ветер и неугасающая надежда.

Давид Хачатурович Арутюнян родился в Тбилиси, здесь провел детство, юность, молодость. Окончил третью мужскую гимназию, жил на улице Ованеса Туманяна, в доме, из окна которого была видна синагога, затем выучился на инженера железнодорожного транспорта, работал инженером-конструктором авиационно-технической базы Тбилисского аэропорта. Но в нем всегда жило творчество, поэтому он – писатель, поэт, переводчик, художник, сказочник, автор сказочной повести «Волшебный город Доремы», повести о детстве «Розовый город», об отце – жертве сталинских репрессий, который провел 9 лет и 7 месяцев в Вятском лагере, «Жил Христофор», циклов «Рассказы Темного тупика», «Картинки старого Тбилиси», рассказов «Медаль», «Алюминиевый крестик», «Аблава» и других. Несмотря на то, что семья переехала в Армению, а потом в Россию, родной Тбилиси остался жить в душе, в рисунках и рассказах: «Балконы, покосившиеся лестницы, ведущие с этажа на этаж, дворы и дворики с развешанным бельем, ветхие черепичные крыши, кирпичные дома, акации, спасительная тень которых была прибежищем игроков в нарды летним душным днем...» «Никто, наверное, не задавался

целью посчитать сколько национальностей представляли обитатели домов Темного тупика. Как речушка вливается в огромную горную реку, так и он своим многоголосьем и разноязычным говором вливался в Аргутинскую улицу».

«Я помню все чудные мгновения», – говорил он. Так детально и ясно писать о самых ранних годах своей жизни мог только человек, не потерявший своего детства. Например, воспоминание о первом снеге или о восторге от бенгальских огней: «И было мне три годика тогда, Осталась память сердца навсегда». Или о переходе через Ишачий мост: «Старый мост в детстве страх наводил на меня. Там внизу был бурлящий поток. Если с мамой шли по мосту среди дня, Бросить взор на Куру я не мог».

Давид Хачатурович – автор сборника стихотворений к армянским пословицам – «Книга совы» и к картинам старого Тбилиси художника Вагаршака Элибекяна.

«На рынках вечно суета
Для всех открыты ворота
Шайтан-базар шумит весь день
Входите все, кому не лень...»

Здесь и Нарикала, и Кура, и базары, и кинто, и фаэтоны, и духаны – весь колорит старого города.

«Как осенние листья прошелестели годы», но однажды он вернулся в родной город. «Я бродил по местам своего детства и ноги сами понесли меня к школе... Подул ветерок, я закрыл глаза. Далекие голоса детства доносились издалека». Тоска по родному городу осталась на всю жизнь. «Хоть бы раз «антоновку» из Грузии мне моя фортуна принесла!»

Совсем недавно, в феврале, этого замечательного человека не стало. Всего несколько недель тому назад он писал на своей страничке в фейсбуке: «Аджарские хачапури в подвальчике на Руставели вместе с графином газировки от Лагидзе – незабываемое удовольствие».

«Что в памяти оставлю о себе?
От деда мне доставшееся имя,
Роман в стихах о папиной судьбе
И дневники с раздумьями моими.
Фотоальбом, запечатлевший время
От детских лет до нынешних Годин
И опусов моих нескладных бремя
Да живописных несколько картин.
Три повести и переводы также
И книжки самиздата – целых пять.
Пожалуй, все оставлю: то, что нажил
И стану где-то в космосе витать».

Но свет, который горел в его доброй душе, не погас, а передался сыну – необыкновенному человеку, детскому писателю, журналисту, сценаристу Карену Давидовичу Арутюнянцу, с которым меня познакомила все та же лошадь – Белая

Давид Арутюнян. Старый Тбилиси

Грива! Он увидел рассказ отца на моей странице и поблагодарил меня, а я сказала, что он с моей бабушкой однофамильцы и что мои предки из Карса. «А мои – из Эрзерума», – ответил он. Значит, общие корни, горе, трагедия... «Мой прадед по линии мамы владел в Эрзеруме двумя синематографами». И мой прадед был связан с кино, здесь, в Тбилиси – начинал киномехаником у итальянцев братьев Риччи, которым принадлежал кинотеатр «Паллас» (затем «Амирани»), когда еще кинопроекторы работали на газовых углях. Позже он стал директором кинопроката. А еще общее – Кукийское кладбище, где покоятся наши предки...

Карен Арутюнянц родился в Тбилиси, где провел счастливое детство, затем семья переехала в Ереван, где он окончил школу, политехнический институт, а потом ВГИК в Москве, куда позже переехали родители и где он живет по сей день. Он издавал газеты и журналы для детей, написал повести «Я плюс все», «Пончик идет по следу», «Иванушка первый, или Время Чародея» и др. Карен Давидович много времени проводит с детьми, которые учатся с ним писать забавные истории, излагать свои мысли, говорить обо всем, например, о небе, о смехе, о нежности и любви, фильмах, знакомит со своим творчеством, учит верить в сказку. С детьми можно все – мечтать, что будет в 2029 году, провозгласить Международный день птиц, морей, деревьев, динозавров или написать книгу про кота, который ходит вверх тормашками. Все получится, главное – иметь фантазию и доброе сердце. Все это обсуждается на встречах в библиотеках, школах или литературно-театральном клубе «Не сердите попугая». «Мы создаем миры!» – говорит Карен Давидович.

А совсем недавно вышла книга, в которую вошли две автобиографические повести отца и сына – Давида Арутюняна и Карена Арутюнянца – «Две повести о детстве», которую я получила в подарок и с удовольствием прочитала. Это книга

Дедушка с бабушкой

о детстве мальчиков и девочек, живших в сороковые и семидесятые годы двадцатого века. Каждая глава книги отзывается в сердце, переключается с моей жизнью – думаю, так будет с каждым, кто ее прочитает. Например, сороковые, военные годы, которые Давид Хачатурович провел в Ереване у бабушки с дедушкой, оживили во мне рассказы моей бабушки о том времени. Вот эпизод, когда дети общались с немецкими военнопленными, работавшими на стройке, жалели их, уставших и худых, и угощали персиками, а один немец смастерил для них игрушку – акробата. Внук рассказал об этом дедушке, а дед сказал: «И немцы ведь люди... Может, он вспомнил своего сынишку и грустит, а может быть, он, как честный человек, мучается, что участвовал в такой жестокой войне, народ ведь не виноват». Моя прапрабабушка тоже приводила военнопленных, работавших в Тбилиси, домой, жалела и делилась совсем не лишним куском хлеба. Однажды привела белобрысого, тощего мальчишку, разбиравшего с другими военнопленными кирку на Марджанишвили. Он увидел на стене фотографию

моего деда – офицера в черной рамке, все понял, опустил ся на колени и заплакал. «Это муж моей внучки, – объяснила ему добрая старушка, – но ты не виноват, это Гитлер, ты ешь, ешь...». В этой книге описывается разное время, но ценности одни у всех на все времена: семья, дружба, первая любовь, верность, доброта, отзывчивость... И детство!

Удивительно, как оба автора сохранили в себе детство! Я считаю, что это самое главное время жизни, самое яркое, теплое, наполненное голосами любимых людей и ароматами. Для меня это аромат акации, которой было так много вокруг маленького кирпичного дома у парка Муштаид, где я росла. Кто-то или что-то должны обязательно возвращать в детство, чтобы ничего не стерлось, не забылось... А еще очень важно, когда ты не с чьих-то слов знаешь историю своих бабушек и дедушек, а живешь с ними, наблюдаешь их жизнь. Они оставляют глубокий след в душе и в памяти. И, конечно, детство создают родители. Вообще, семья. «Всего лишь надо почаще разговаривать друг с другом... И слушать. Слушать, впитывая в себя нашу общую судьбу», – пишет Карен Давидович. Мне кажется, дети, которые получили достаточно тепла, внимания и любви от родных, не теряют своего детства никогда. И способности мечтать и фантазировать. И любить. И хранить память.

«Я всматриваюсь в лица своих предков на фотографиях и вижу совершенно точно одно – какими цельными, уважающими себя и жизнь были эти люди», – говорит Карен Давидович.

«Очень красивые у меня бабушки. Души у них чудесные». Я тоже так думаю о своих предках и особенно бабушках – обе были интересные, каждая по-своему, настоящие старые тифлиски, как я их называла. Кстати, одну из них тоже звали Катя, как и бабушку Карена Давидовича. Мы очень любили наших Кать...

«Я помню эти детские вечера, когда сидишь в поликлинике в коридоре... и ждешь маму. За окном город, приглушенные звуки, в небе проносятся стрижи... А потом мы заходим в гастроном и покупаем конфеты и гущенку, и весело идем к дому... А может, еще дует ветерок, наш чудесный южный ветер с гор, с Тбилисского моря, на котором здорово летом, оно почти настоящее, а дальнего берега не видно совсем, и там, наверное, океанские лайнеры плывут себе в Африку... А мама смеется так весело. И мне тоже хорошо...».

«8 марта 1961 года поженились мои папа и мама. Мама тогда училась в Ереванском университете и папа приехал к маме из Тбилиси и предложил руку и сердце. Они знали друг друга с послевоенного детства, они выросли на улицах Туманяна и Леселидзе, в Темном тупике на Майдане, в окружении Куры, серных бань, синагоги, христианских церквей и самых шумных, печальных, трудолюбивых, веселых, разных и чудесных соседей в мире», – рассказывает Карен Давидович.

«Мама и дедушка жили на Леселидзе, 51. Я у дедушки часто бывал, ел «Мишку на севере» и смотрел, как он делает протезы. Мы с моим дедушкой сидели молча.

Он – один из лучших протезистов Тбилиси – колдовал над зубными протезами, а я разглядывал одну из копий, сделанных дедушкой с полотен французских пейзажистов -романтиков.

Когда-то дедушка собирался стать художником, но его в Академию не приняли. Не то сословие. Из буржуа. А это была на тот момент Грузия советская.

Словом, он тихо колдовал над своими протезами.

Я тихо разглядывал какого-нибудь Дюбуа.

Это одно из самых откровенных и пронзительных общений в моей жизни.

Еще мы так же молчали с моим отцом. Реже, чем с дедом. Но это было».

А мне запомнились слова

Карен Арутюнянц

Танец кинто

дяди главного героя повести Давида Хачатуровича «Розовый город», архитектора Ашота, когда мальчик увидел, как заделывают трещину на доме, в которой жили воробушки, переполошился и стал звать всех на помощь, и они побежали просить рабочих оставить небольшие щелки для птиц. Рабочие удивились, как можно думать о птицах, когда вокруг война, голод, а дядя сказал: «Чтобы воспитывать в наших детях ненависть к насилию, мы должны думать о птицах».

Семья передала мальчику свою мудрость и жизненные принципы, мальчик вырос и передал своему сыну, сын – своему, Нареку, который талантливый музыкант, и пойдет добро из поколения в поколение. Поэтому читают ребятишки сегодня в рассказах Карена Давидовича: «Если ты пес по имени Пончик и твой хозяин ушел в магазин и не вернулся, разве ты бросишь его в беде и не отправишься на поиски друга? А если кот, с которым ты живешь под одной крышей, свалился с форточки и его похитили, чтобы продать в бродячий цирк, разве ты не захочешь вернуть его?..» И эти уроки дружбы, преданности, верности – самые важные в жизни детей, они остаются в

сердце. А еще Давид Хачатурович единственный из всех, кого я знаю, вспомнил осликов, как героев войны – ведь мы привыкли читать о лошадях и собаках. А эти молчаливые труженики таскали на себе оружие и боеприпасы к огневым точкам, когда немцы рвались на Кавказ. И благодаря этим осликам герой одного из рассказов получил медаль «За оборону Кавказа».

Мне кажется, очень особенные люди могут писать о детях и о животных. Искренние, открытые, непосредственные, немного наивные, незащищенные, когда один на один с жизнью, людьми, ураганами, с душой нараспашку, мыслями без утайки. Это как босиком под дождем, без зонта, дождевика, капюшона... У них как будто и родничок не окончательно твердеет, они не закрываются в себе, не покрываются твердым панцирем, поэтому связаны и с этим миром, и тем, откуда пришли и куда уйдут.

«Я шептал и не раз:

– Я шагаю по этой планете.

Я иду к горизонту, за белой чертой миражи.

Мы летаем там в детстве. Мы честные славные дети.

Там несутся по небу мечтами и правдой стрижи.

Там так хочется жить, там так хочется смелости первой.

Там отвагой вершины уж взяты на сотни веков.

И любовью беспечной, любовью Адама и Евы,

там колышется облако самых невидимых снов.

Я дойду. Мы дойдем. Мы прибудем назначенным сроком.

Встретят нас те, кто раньше дошел. Кто желал и мечтал.

И мы дальше пойдем. Ведь рифмуются ангелы с Богом.

Да. Дойдем. Да. Пойдем.

Тот, кто выдумал – верил и знал».

(Карен Арутюнянц)

«Человек должен жить для кого-то», – говорит Карен Давидович и, помимо занятий и общения с детьми, ухаживает за совершенно слепой мамой, став ее глазами, руками, надежной опорой, связующей ниточкой с внешним миром, радостью... Я понимаю его и соглашаюсь. Только добавлю: человек должен жить, как дети, искренне, изо всех сил и от всей души.

СКАЧИ, БЕЛАЯ ГРИВА!

■ **Давид АРУТЮНЯН**

Весь долгий день старый Артавазд проводит в одиночестве. Сын и невестка с утра до сумерек заняты в своем научно-исследовательском институте. Сидит Артавазд, смотрит в окно на дорожку, бегущую между панельными девятиэтажками, заросшую по обочинам крапивой и удаляющуюся в перспективу, в конце которой виден отрезок главной улицы городка. Чуть дальше за ней возвышается стена леса. В городке много велосипедистов. То и дело они мелькают на этом отрезке вперемешку с автомобилями: туда-сюда, туда-сюда. Чтобы отвлечься от тягостных дум, он принимает считать проезжающих, но сбившись, бросает это занятие. — Эх, — вздыхает старый Артавазд, — хоть бы разок по той дороге кто-нибудь на коне проскакал. Душе стало бы легче. И зачем я согласился сюда приехать? Надо было настоять, чтоб сами ко мне прилетели. Оставил дом, деревню. Лошадей... Пускай бы жили себе, как жили, без меня. На что я им здесь нужен? Лишняя обуза. Обедают и то в институтской столовой. Вся жизнь у них по графику. Снова и

снова корит себя Артавазд за то, что в 98-м году подался на уговоры сына с невесткой и прибыл к ним в Академгородок погостить. В конце восьмидесятых по направлению университета Сурен стал работать здесь, в институте химии. Сперва в общежитии жил, потом женился на русской девушке из Херсона, Елене, и вскоре им дали однокомнатную квартиру, эту самую. Сколько просил их Артавазд, чтобы почаще навещали родителей, хотя бы на неделю летом в деревню прилетали. Да разве слушались. У них, у молодых, всегда свои интересы бывают. То писали, что вместе над диссертацией трудятся, не до отпуска, мол. То им путевку в Болгарию дали, жалко такой случай упускать. Бедная Мариам извелась от тоски, все о Сурене только и говорила. А потом прилетели, примчались, да по печальному поводу — на похороны матери. И еще через год, как и положено, снова побывали в деревне. Так годы и прошли. Сельский фельдшер Цолак Ахвердян не советовал ему пускаться в дальнюю поездку. После смерти Мариам сердце у Артавазда стало пошаливать, да и за семь десятков давно перевалило. Правда, он не очень обращал внимания на свое

состояние, не до болячек было. В деревне все хозяйство развалилось, некому стало его налаживать. Попробовали кооператив организовать. Его, Артавазда, к трем оставшимся в хозяйстве лошадям приставили, как бывшего колхозного конюха. Надо было об их пропитании заботиться, траву летом косить, сено на зиму заготавливать. Он ведь всю жизнь свою в конюшне, можно сказать, прожил. Трудился в поте лица. А Сурен с Еленой все звали и звали к себе в Подмосковье. Что оставалось делать? Собрался в конце концов, взял корзину с крестьянскими гостинцами и, оставив лошадей Вачику, едва ли не единственному в деревне юноше (ведь все парни разъехались: кто в армию, кто в город учиться, а кто и вовсе за границу подался), налегке отправился в путь. А Вачику наказал: «Приглядывай, родной, за лошадами хорошо. А я скоро вернусь. Поживу у сына с неделю и назад, в наш Лернаовит. Помни — лошади ласку любят». Что думал, что вышло. Надо было послушаться Цолака Ахвердяна. Не успел спуститься с трапа самолета, как, глотнув холодного северного воздуха, почувствовал боль в сердце. Всю дорогу, пока ехали в такси, под левой лопат-

кой сильно ныло. Однако Артавазд виду не подавал, что худо ему. Разговаривал с Суреном, отвечал на расспросы водителя об Армении, как, мол, там нынче. До самого дома держался старик. Но как только в квартиру вошли, такая боль пронзила грудь, что пришлось вызвать «скорую». Ровно один месяц лежал он в больнице с инфарктом. А потом, когда подлечили и выписали, сказали; что в ближайший год он должен забыть о возвращении к своим горам. Если хочет пожить еще некоторое время, подаренное ему судьбой. Вот и пребывает здесь старый Артавазд уже второй год и мается. Просил Сурена дать денег на билет, отпустить домой. Да он непреклонен, боится за отца. И невестка туда же: «Что вы, дядя Артавазд (так она его зовет), вам лететь самолетом нельзя ни в коем случае. Пока. Разве что только поездом, да и то в спальном вагоне. Но ведь вы лучше нас знаете, что поезда из России в Армению не ходят. Так что живите себе и ни о чем не думайте. Мы вас с Суриком любим, ничем не беспокоим. Гуляйте в лесу. Скоро ягоды пойдут, грибы. Вам на воздухе нужно бывать!» Артавазд благодарил ее за заботу и, чтобы не обидеть славную женщину, обещал следовать ее советам. Он и впрямь стал чаще выходить из дома. Бродил по главной улице, то и дело сторонясь велосипедистов и уступая дорогу встречным «собачникам», выгуливающим разномастных собак – больших, маленьких, огромных, ростом чуть ли не с осла; гладкошерстных, мохнатых. Как-то повстречалась девочка, ведущая на поводке кавказскую овчарку. Как он ей обрадовался! К этой породе он относился с уважением. И зачем ее держат в квартире, подумал с досадой. Такому псу овец бы сторожить в горах. Эх, люди, люди... Странно все как-то поступаете. Вот и соотечественники, из тех, что «временно» оставили родные места в поисках заработка, тоже странные. Встречает их здесь иногда Артавазд, хотелось бы пообщаться, да только держатся они как-то недоступно. Завидев земляка, почему-то взгляд отводят. С одним молодым человеком, правда, на местном базаре он иногда перекидывается парой слов. Этот не такой, как другие, словоохотлив. Лет ему 35. Сказал, что Ереванский университет окончил, по специальности философ. Да вот работы дома нет, в Россию приехал. Думал, здесь его профессия понадобится. Не вышло. На базаре менеджером устроился. Иной раз стоит за прилавком, астраханские арбузы продает. Колей звать. Веселый такой. «Не скучай, – говорит, – айрик джан, время все лечит. Потерпи немного, отправят тебя домой». «Тоскую я, сынок, по нашим горам, – отвечает Артавазд. – По деревне скучаю, по конюшне. Во сне даже лошадок моих вижу». Однажды придя на рынок, чтоб повидать Колю, старый Артавазд застыл от изумления: какая-то женщина водила по тротуару белогривую лошадку, катая на ней детей. У уличного фонаря выстроилась небольшая очередь мамаш с малышами. Глаза маленьких всадников светились счастьем. Прохожие улыбались, глядя на непривычную для городка живопис-

ную сценку: лошадка послушно следовала за хозяйкой, кивая головой в такт цокоту копыт. Женщина разрешала угощать ее морковкой, которую сама же давала детям. Малыши с восторгом протягивали лакомство лошадке, а та, оборачиваясь к ним мордой, осторожно принимала дары мягкими губами и с хрустом съедала, благодарно помахивая хвостом. Артавазду вдруг страстно захотелось подойти к ней, обнять благородное животное за шею, погладить гладкую шелковистую кожу, ощутить прикосновение бархатных губ. И сказать что-то доброе, ласковое ей и всем этим чудным светловолосым деткам с голубыми глазами. Но он подавил в себе столь несоответствующий, как он думал, его возрасту порыв. К тому же старый Артавазд плохо говорил по-русски. «Что люди скажут?» – мелькнуло в голове. Он постоял некоторое время, любуясь трехлеткой (так он определил ее возраст по стати) и затем ушел. В ту ночь он долго не мог уснуть. Все ворочался в кровати, кряхтел. Белая Грива (так он мысленно прозвал кобылку) всколыхнула его истосковавшуюся по деревенскому быту душу. Неудержимо потянуло к конюшне, лошадям. Он остро ощутил запах взмокшей попоны, лошадиного пота. И даже услышал отдаленное ржание. Открыв глаза – сон стал одолевать под утро, – он вслушивался в тишину, пытаясь понять, что это было: сон или галлюцинации. И тут, как озарение, его осенила простая и вместе с тем прекрасная мысль: пойти к Ко-

ле-философу, разузнать, где живет владелица Белой Гривы. – Зачем она тебе? – хитро сощурился Коля, когда Артавазд явился к нему на другой день. – Извелся без работы, Коля джан. А тут, думаю, возможность появилась... – С дамочкой познакомиться, что ли? – пошутил балагур-философ. – Вай, что ты говоришь? Я ведь не какой-то там кавалер. У меня серьезное предложение. Денег не надо, сочту за удачу, если позволит иногда за лошадкой присматривать, покуда здесь я. Узнай, пожалуйста, а?! – Хорошо, дядя Артавазд, – посерьезнел Коля. – Сейчас схожу у местных разведаю. Ты пока возле прилавка постой. Минут через двадцать он вернулся. – Вот как обстоит дело, дядя Артавазд. Я все узнал. Помощь твоя, к сожалению, не потребуется. Хозяйка лошади,

Клава, живет в деревне, в пяти километрах отсюда. За лошадью смотрят и муж, и сынок ее, и старый свекор. Хозяйство у них небольшое – гуси, козы. Сами управляют. Но если желаешь, пойдем познакомимся. Говорят, старик у них хлебосольный. Сможешь пять километров пешком прошагать до деревни? Артавазд посмотрел с укоризной, улыбнулся: – Спасибо, Коля джан. День выдался погожий. Майский ветерок дул в спину, шелестел молодыми листьями в березняке. В извилистой, почти неподвижной речке отражалось белесое небо с причудливыми облаками. Идти было легко и приятно. Впервые за много недель Артавазд дышал полной грудью, свободно. Коля всю дорогу балагурил, вспоминал студенческие годы и неза-метно, миновав большое карто-

фельное поле, окаймленное лесозащитной полосой, путники подошли к деревушке, забавное название которой – Клубни – значилось на указательном щите. – Здешние места картошкой богаты, – бросил Коля. – Наверное, потому так назвали. – Э... э... вкуснее мартунинской нигде нет! – отозвался Артавазд. Какой-то мальчуган, погоняя хворостиной стайку гусей, появился из-за изгороди. – Где дом деда Игната, малец? – окликнул его Коля. – Вам че, мой дедушка нужен? – удивился мальчик. Отпустив гогочущих гусей пастись самостоятельно, он деловито прикрикнул на жожака стаи, чтоб не уходил далеко от дома, и сказал незнакомцам: – Пошлите, провожу вас до деда. Дед Игнат оказался кряжистым стариком лет восьмидесяти, с широкой серебристой бородой и усами. Густым басом, который вполне бы подошел старосте церковного хора, он степенно пригласил гостей «войти в горницу», сдержанно приняв из рук Коли бутылку «Смирновской». – Сноха с моим сыном в райцентр уехала. Вы уж не обессудьте за скромное угощение, – говорил он, доставая из холодильника закуску – сыр с колбасой и расставляя на столе стопки. – Пойди, Ваня, принеси из погреба огурчиков, – обратился к внуку, ожидавшему в дверях поручений. – Ну что ж, значит, выпьем за знакомство, – торжественно произнес Коля, когда все сели за стол. – Дядя Артавазд из Армении. Он бывший колхозник, специалист по лошадям. На днях лошадку вашу увидел около рынка в городке, ну и... – Неужто купить желает? – удивился хозяин. – Так ведь мы ее, голубчик ты мой, не продаем. Ни за какие деньги! – Да нет, об этом и речи нет. Просто... Коля запнулся, не зная, как поделикатнее объяснить старику о цели их необычного визита. Однако дед Игнат не дал ему пребывать в замешательстве. Обратившись к Артавазду, участливо спросил: – Стало быть, по лошадям тоскуешь? Коли так, то все понятно. Я ведь и сам сызмальства все при лошадях находился.

Так что не тужи. Посидим маленько, покалякаем, а потом отведу тебя до нашей кобылки. За огородом она пасется. После второй стопки старики оживились. Дед Игнат стал рассказывать о том, как в сорок первом уводил колхозный табун от наступающих на Москву фашистов, как потом записался добровольцем в конный полк к генералу Доватору. – А мне едва десять лет исполнилось в ту пору, – сказал Артавазд и поразился тому, что вдруг складно заговорил по-русски и никто не смеется над его речью. – Все мужики из нашей деревни ушли воевать, одни женщины, дети да старики остались. Председателем стала тетя Мануш. Пришла к нам домой и сказала моей матери: «Пошлешь своего Арто в конюшню. Назначаем его помощником конюха. Он у тебя смекалистый, да и животных любит – заметила. Особенно лошадей. – Как же можно их не любить? – перебил дед Игнат и обратился к Коле: – Ты, молодой человек, городской, не знаешь – вернее коня друга нет! Многие могу поведать о лошадиной верности, да гляжу не терпится вам обоим на Звездочку нашу посмотреть. Пошли, что ль, на улицу? Он выпрямился, встал из-за стола и позвал внука, который, притаившись в сенях, с любопытством прислушивался к разговору взрослых. – Че, дедушка? – мигом отозвался мальчик. – Сходи в сарай, вынеси звездочкину сбрую. Идем лошадку показывать деду Артему. Улыбаясь, дед Игнат обнял Артавазда за плечи, спросил: – Ничего, что имя твое переименовал? Больно трудное оно для моего слуха. – Не обижаюсь, Игнат джан, – успокоил Артавазд. А Коля добавил: – У нас, армян, имя Артем очень уважаемое. Микояна, авиаконструктора «МиГов» так же звали. Звездочка щипала молодую майскую траву, густым ковром поднявшуюся над землей после дождей. Светло-песочный окрас ее туловища на фоне зелени не казался столь белым, как в первый день встречи Артавазда с лошадыю. Лишь хвост и грива белели, как навис-

шие над полем облака. – Красивая... – сказал Коля. – Да, парень, все стати у ней хороши, – с гордостью поддакнул хозяин, – соловая лошадка, ладная. Он посмотрел на внука, согнувшегося под тяжестью сбруи, усмехнулся: «Что, Ваня, запарился? Ну дай дяде Артему уздечку. Доставим человеку удовольствие лошадку снарядить». Артавазд подошел к Белой Гриве (так он продолжал ее называть в мыслях), достал из кармана приготовленные загодя куски сахара и дал ей. Лошадь приняла гостинец, благодушно взглянув на незнакомого человека. Артавазд погладил ее по шее и потрепал по холке. Белая Грива в ответ помахала хвостом. Сделав знак Ване подать уздечку, старый конюх обхватил голову лошади правой рукой и левой осторожно вложил ей в рот удила. Следующим движением он высвободил челку Белой Гривы из налобника, расправил подбородный ремень. Подтянув повод, довольный своими действиями, Артавазд вопросительно посмотрел на наблюдавших. – Хорошо обуздал, старик. Молодец! – похвалил дед Игнат. И скомандовал внуку: – Теперича седло! Седловку Артавазд проделал не спеша, немного волновался: как-никак два года почти не подходил к лошадям. Да и от выпитой водки слегка шумело в голове. Но дело свое старый коневод знал отменно. Набросил седло на спину Белой Гриве, затянул подпругу, отрегулировал путлища по своему росту, проверил шнеллера. – Ну вот, теперича садись на лошадку и скачи к себе в горы! – весело, густо хохотнул дед Игнат. Артавазд с недоумением оглянулся. – Ну чего ж ты? Или разучился в седло садиться? – подзадорил Игнат. – Да нет! – воскликнул бодро Артавазд. Ухватившись рукой за луку седла, он вставил ногу в левое стремя, поднялся на ней и, оттолкнувшись другой ногой от земли, перенес ее через круп лошади. В одно мгновение всадник опустился на седло, вызвав восторг Вани. – Эгей! – крикнул мальчик, – вот это да! – Скачи давай! – за-

смеялся лед Игнат. – Кецес, дядя Артавазд! – радовался Коля. Артавазд дернул повод и тихо по-армянски попросил: – Де гнанк, Чермак Баш. Чермак Баш. Тар индз депи мер лернер. Лошадь пошла шагом. Душа Артавазда возликовала. Он сильнее натянул поводья, сдвинул шенкелями бока кобылки, заставив ее перейти на рысь. Сразу возник встречный ветер. Он охлаждал лицо, ерошил волосы, но это было приятно Артавазду. Скакал по полю всадник на лошади с белой развевающейся гривой. Вокруг синел лес. Белые облака лежали на его кромке, напоминая заснеженные вершины гор Всадник и лошадь слились воедино. Он чувствовал силу ее мышц, тепло разгоряченного скачкой тела и вдруг осознал, что благодаря ей, Белой Гриве, он снова обрел уверенность и надежду. И тогда Артавазд, отпустив поводья, обхватил руками шею лошади и громко, радостно закричал: – Скачи, Чермак Баш! Скачи, Белая Грива! Вот они там, мои горы! Я вижу их!

Использованы графические и живописные работы Д. Арутюняна

Зоя Тебидзе

ДЕТСТВО, РАССТРЕЛЯННОЕ ВОЙНОЙ

■ Леван ДОЛИДЗЕ

В моей долгой журналистской деятельности, доминантной которой всегда была тема Великой Отечественной войны, мне доводилось встречаться с маршалами Советского Союза, выдающимися полководцами, генералами и адмиралами, представителями всех родов войск, а также с партизанами и тружениками тыла – активными участниками войны. Им я посвятил сотни публикаций. Однако то, что я недавно услышал в Батуми, больно защемило мое сердце, ибо тема детей войны – самое страшное зло из всего, что может она оставить в памяти человечества.

Недавно я побывал в Батуми, где зашел в местную сина-

гогу. Повод – собирал дополнительные сведения для моей будущей книги: «Евреи Грузии во Второй мировой войне», столетие которой исполняется 1 сентября нынешнего года. Немало интересного к этой теме рассказал мне бессменный председатель Ассоциации грузино-еврейских взаимосвязей Аджарской автономной республики, почетный гражданин г. Батуми Эмиль Гершевич Крупник. Он же познакомил меня с коренным батумцем, сыном фронтовика, подполковником в отставке и бывшим директором батумской школы Михаилом Ильичом Вяловым. С ним я побывал у его близкой родственницы в уютной батумской квартире – героине нашего повествования...

История одной маленькой

еврейской девочки не может оставить безучастным никого, кому дороги общечеловеческие ценности. Героине нашего рассказа 86-й год. Несмотря на годы и пережитое она в мельчайших подробностях помнит свое страшное детство и трагедию своей семьи. Ее полное имя – Зоя Ивановна Тебидзе, урожденная Хая Исайевна Мордухаева, она живет в Батуми в окружении своей большой родни.

В 1939 году ее отца – военнослужащего Исая Мордухаевича Мордухаева перевели из Баку на новое место службы в Белоруссию – в город Витебск. У красноармейцев шли усиленные занятия. Вскоре Исая Мордухаев заболел, попал в госпиталь. Его супруга – работница швейной фабрики, забрав шестерых детей, отправилась в Витебск к мужу.

Однако случилось так, что по приезду в Белоруссию Марьям Наумовна Яхниель заболела, неважно себя почувствовала и ее старшая дочь Рахиль. Пришлось им лечь в больницу, а

вместе с ними туда поместили и двух самых маленьких ее детей. Трех остальных детей – нашу 6-летнюю героиню, ее сестру Земфиру и старшего брата Михаила временно определили в детдом. После выздоровления Рахиль тоже попала в детдом. Наша маленькая героиня (будем и впредь ее так называть, чтобы читателю легче было ориентироваться в именах детей) больше никогда не увидит своих родителей, Земфиру и младших брата с сестрой: их всех убили фашисты в самом начале войны.

Перед войной с фашистской Германией Полоцкий детдом №1, в котором наша героиня окончила первый класс, со всеми младшими детдомовцами вывезли на летнюю дачу, в деревню Захарничи близ г. Полоцка. Там случайно, во время бомбежки, она встретила свою сестру Маргариту и брата Мишу. Их детдом тоже вывезли на дачу в Захарничи.

В июле 1941 года в Полоцк и Захарничи вошли фашисты. Началась оккупация. Миша ушел с советскими солдатами и вскоре погиб. После прихода немцев детдом перестал функционировать. Детдомовцам пришлось бродяжничать и попрошайничать. Таких тогда было немало. Спать приходилось где попало – в подвалах, в разрушенных домах, дрожа от страха, голода и холода.

В декабре 1941 года в оккупированном Полоцке их детдом был восстановлен. Директор Михаил Степанович Форинко собрал под его крышу бывших воспитанников. Рахиль оказалась в другом детдоме Полоцка, где директором была Екатерина Самойлова. Она сдала еврейских детей и Рахиль в еврейское гетто. В городе постоянно вылавливали евреев, коммунистов и партизан. Каждое воскресенье на базарной площади кого-нибудь да казнили.

В начале 1942 года Рахиль чудом удалось сбежать из гетто. Она нашла сестричку, и они вместе пошли к директору дет-

дома М.С. Форинко. Директор согласился принять Рахиль, но строго предупредил, чтобы из детдома, где были еще девять еврейских детей, они никуда не выходили. В детдоме уничтожили их свидетельства о рождении и другие документы, выписали поддельные и записали детей под другими именами. Именно тогда наша маленькая героиня в полной мере осознала себя еврейкой и очень боялась, что за это фашисты ее убьют. Ей шел восьмой год.

Наша маленькая героиня превратилась из Хаи Исайевны в русскую Зою Ивановну, фамилию Мордухаева сестрам сохранили. Ее старшая сестра Рахиль Исайевна стала Маргаритой Иосифовной. Детей постригли наголо, запретили называться еврейками и стали говорить, что они бездомные кавказские девочки. В конце 1943 года фашисты приказали директору детдома составить списки детей для сдачи крови. Она была нужна для лечения раненых фашистов в госпиталях. Мудрый и бесстрашный директор Форинко ответил, что среди его питомцев много больных и ослабленных. Предложил немецкому бургомистру на некоторое время вывезти детей в деревню Бельчицы на оздо-

вление, а потом брать у них кровь.

В это время в Полоцке и их детдоме уже начала действовать подпольная группа, состоящая в основном из воспитателей и воспитанников старшего возраста. Возглавлял группу бесстрашный директор детдома М.С. Форинко. В эту группу входила старшая сестра Зои – Маргарита, которая выполняла функцию разведчицы-связной. В сентябре 1943 года подпольщики установили связь с партизанами и разведотрядом Красной армии, передавали им данные о расположении фашистов, движении поездов, военных укреплениях и т.д. О заслугах Маргариты в Белоруссии не забыли. После войны ее признали участницей партизанских боевых действий и в 1991 году наградили орденом Отечественной войны II степени.

В феврале 1944 года детдом перешел в зону, которую контролировали белорусские партизаны, а спустя два месяца самолетами вывезли детей за линию фронта. Было тогда Зое 11 с половиной лет. После освобождения Белоруссии от фашистов этот детдом вернули и расположили в деревне Быковщина Полоцкого района. Здесь Зоя окончила 7 классов сред-

Фашисты гонят евреев в гетто

Советская регулировщица

ней школы, а затем и Полоцкое педучилище. В 1954 году ее приняли на работу старшей пионервожатой детского дома им. Ленина, т.е. в тот детдом, где она в годы войны была воспитанницей. А вскоре ее позвала к себе сестра Маргарита. Она жила в Батуми, вышла здесь замуж и родила сына. Кроме сестры у нашей героини никого из родных не осталось. Так она оказалась на грузинской гостеприимной земле.

В 1956 году Зоя по комсомольской путевке отправилась на целину в Казахстан. Через год там вышла замуж за Илью Тебидзе, который также приехал по комсомольской путевке из Батуми. Через год у них родилась дочка Этери, а в 1960 году – сын Георгий. В 1961 году молодожены вернулись в Батуми, через год у них родилась дочь Мери. Многое после этого довелось пережить нашей героине. В 1986 году скончался ее муж, на ее попечении остался сын Георгий – инвалид второй группы. Он женился на девушке с аналогичным диагнозом, случайно невестка Зои упала с большой высоты, у нее были большие переломы. Сейчас она инвалид второй группы. У них трое детей,

сын – инвалид детства первой группы и две дочери.

С распадом СССР наступили совсем тяжелые времена. Зоя осталась без работы, в недостроенном доме с сыном, невесткой и внуком инвалидом и с годовалой внучкой. Бралась за любую работу, в т.ч. торговала на бульваре пирожками в разнос. Двадцать лет тому назад Зоя Тебидзе попала под машину. Результат – сложные переломы, в доме стало на одного инвалида больше...

Однако несмотря на столько лет, минувших после окончания войны, она никак не может вычеркнуть из памяти свое детство. «А ведь меня запросто мог пристрелить фашистский офицер, когда направил на меня пистолет и закричал: «Юде, юде!» Но работники детдома окружили его и закричали в ответ: «Найн юде, Кавказ, Кавказ!» Я должна была быть расстреляна за то, что я – еврейка, могла умереть от болезней, – у нас не было лекарств, наши воспитатели лечили нас отварами и настояками по рецептам народной медицины. Нас хотели в прямом смысле обескровить. Сделать из нас – малюток доноров для раненых фашистских офицеров

и солдат. В детдоме бывали обыски, но меня и других еврейских детей надежно прятали. Мы выжили в годы фашистской оккупации Полоцка только потому, что нас, еврейских детей, вместе с другими детьми приютил и оберегал как родных добрейший человек – директор Полоцкого детдома №1 Форинко Михаил Степанович».

А еще наша героиня не может забыть своего спасителя – военного летчика Александра Петровича Мамкина, который от партизан переправлял на Большую землю детдомовских детей. Девять рейсов совершил этот герой, во время последнего его самолет был подбит, он сам был тяжело ранен, но сумел посадить горящий самолет, после чего скончался от ран.

– Я уже давно на пенсии, – рассказывает бывшая воспитанница детдома, не раз смотревшая смерти в лицо. – И чем дальше от нас те самые страшные военные годы, тем чаще задумываюсь о людях, которые спасли меня, мою сестру и еще девять еврейских детей от смерти. Сегодня нет моей сестры. После нее остались три сына и пять внуков, все уже взрослые, скоро пойдут правну-

Современный Батуми

ки. У меня две дочери, сын, девять внуков и внучек, 11 правнуков и правнучек, т.е. вместе с моей сестрой Маргаритой и мною Форинко и Мамкин спасли 32 человека из наших семей, и эта цифра будет постоянно расти, – так завершила свой рассказ эта мудрая женщина, которой многое пришлось пережить.

«Вот таковы мои две жизни, одна – что дали мне родители и назвали еврейским именем Хая, означающая «Жизнь», и вторая, которую мне дал директор детдома Михаил Степанович Форинко, переименовав в Зою, что по-гречески тоже означает «Жизнь», – с этими словами Хая Исайевна Мордухаева, она же Зоя Ивановна Тебидзе попрощалась со мной. Я встретился с необыкновенной женщиной, чье детство было расстреляно войной и пожелал ей от всего сердца по-еврейски 120 лет стойкой и счастливой жизни.

Я еще раз благодарен моим новым добрым батумским друзьям Эмилию Гершевичу Крупнику и родственнику Зои Ивановны Михаилу Ильичу Вялову,

оказавшим мне большую помощь в подготовке данной публикации – одной страницы из многотомной истории Второй мировой войны, которая впервые стала достоянием широкой общественности.

Когда я готовил эту публикацию, мне вспомнились слова нашей замечательной соотечественницы, ныне проживающей в Республике Беларусь уважаемой Тамары Курдадзе, записанные в моем блокноте. Она – руководитель проекта изданной недавно Минским благотворительным общественным объединением «Гиюф» книги «Мы помним! Миру помнить завещаем...» Тогда с особой пронзительностью прозвучали ее слова о том, как важно успеть услышать, записать живые воспоминания свидетелей, участников событий одной из самых страшных и безжалостных войн на планете – Второй мировой о том, как сумели избежать смерти дети и взрослые, женщины и мужчины, о тех, кто их спасал и кто предавал.

Сегодня находятся и такие, кто предает сомнению злодея-

ния фашистов, тему Холокоста, якобы фашистская армия не совершала таких зверств на оккупированных ею территориях и т.д. и т.п. В последние годы эти голоса слышны из бывших советских республик Прибалтики, Западной Украины. В Израиле же отрицание Холокоста преследуется законодательством. Только на белорусской земле, где было расстреляно детство нашей героини, в годы оккупации фашисты создали около 70 гетто, в которых погибли 800 тысяч евреев. Среди них 265 тысяч депортированных из Европы в 1941-1945 гг. У этих людей шансов практически не оставалось – чудом спаслись лишь 50 человек. Из 80 тысяч евреев – минчан в живых осталось 3,5 тысячи человек. И эта лишь небольшая статистика одной страны.

В настоящее время в Тбилиси остались в живых три участника войны из числа евреев – две женщины и один мужчина. В Абхазии – ни одного. Такое же положение в других регионах Грузии. Вечная память героям войны...

Сцены из балета «Роден»

РОДЕН

Ирина МАСТИЦКАЯ

Тбилисская публика вновь испытала катарсис на балетном спектакле Бориса Эйфмана. Для переполненного зала ощущение соприкосновения с шедевром стало дежавю. На этот раз был «Роден»!

Ни роскошных декораций, ни цветового взрыва костюмов, как в «Анне Карениной» – балетный шедевр в чистом виде! Полное подтверждение слов Бориса Эйфмана, что все душевные переживания, на которые не хватает слов в великих текстах, могут быть станцованы. И действительно все полеты творческой фантазии, все волнения человеческой души – препарированы и станцованы в спектакле.

На сцене в лаконичных лофтовских декорациях – мастерская Родена. В спектакле роль скульптора исполняет заслуженный артист России Олег Габишев. На большом барабане в центре сцены сменяют друг друга на-

турщики и натурщицы. Иногда это рабочий стол Мастера, а иногда любовное ложе. На глазах у зрителей виртуозный кордебалет превращается в статичную глыбу мрамора или в вязкую серую глину, из которых мастер лепит и высекает человеческие фигуры. Уничтожает созданное и начинает снова. Даже в моменты любовного экстаза скульптор не перестает отвлеченно наблюдать за изгибом тела, изломом рук, выражением лица возлюбленной. И более того – утрирует позу и жест для придания большей выразительности, чтобы использовать их в новой скульптуре. В углу сцены треугольная сетка, как другое измерение. На разных стадиях творческого процесса Мастер то затаивается на ней, как паук в ожидании жертвы, то повисает как опустошенный распятый грешник. Но в результате всегда появляются гроздя узнаваемых торсов с «Врат Ада» или «Гражд-

дан Кале», либо совсем незнакомые, но не менее выразительные. Как известно, в мастерской скульптора всегда было много натурщиков. Он давал им полную свободу. Свобода обнаженного тела всегда провоцирует раскрепощение эмоций. Для Родена это было уникальное исследование и прекрасный материал для образов. Могучий талант Мастера шлифовался и креп, всеобщее признание было очевидно, заказов было много, трудоспособность всегда была неиссякаема. Но вдохновения не хватало! И тут в мастерской Родена появляется 19-летняя красавица, необыкновенно талантливая и очень самоуверенная Камилла Клодель. В спектакле Камилла – лауреат многих премий Любовь Андреева. Сначала она помогает Мастеру, но очень скоро начинает работать над собственными произведениями. Известность к юному дарованию приходит быстро, но еще быстрее развивается роман с Мастером. Юная Камилла становится музой влюбленного Мастера и дарит ему вдохновение. За 15 лет романа Роден создаст все свои бессмертные скульптуры: всю любовную серию, все «руки Бога», «врата Ада» и Мыслителя. А свою возлюбленную он

увековечит в «Поцелуе», «Данаиде», «Сиренах» и других работах. Камилла, работая рядом с Мастером, превратится в прекрасного, самобытного скульптора. У нее будут персональные выставки, материальная независимость и известность. Но Камилле этого мало. Она хочет все и сразу. Отнять Мастера у гражданской жены и сына, а также стать известнее Родена. Из своего романа оба выйдут с большими потерями. Он навсегда потеряет вдохновение, и будет до конца жизни лишь копировать свои работы. Она потеряет рассудок, и тридцать лет проведет в психиатрической лечебнице.

Но как же восхитительно все это будет исполнено на сцене! Любовное адажио и битва творческих титанов, совместная лепка фигур и танец одиночества Камиллы с мраморными «руками Бога». Рождение на наших глазах «Данаиды» и «Поцелуя» и остервенение, с которым мо-

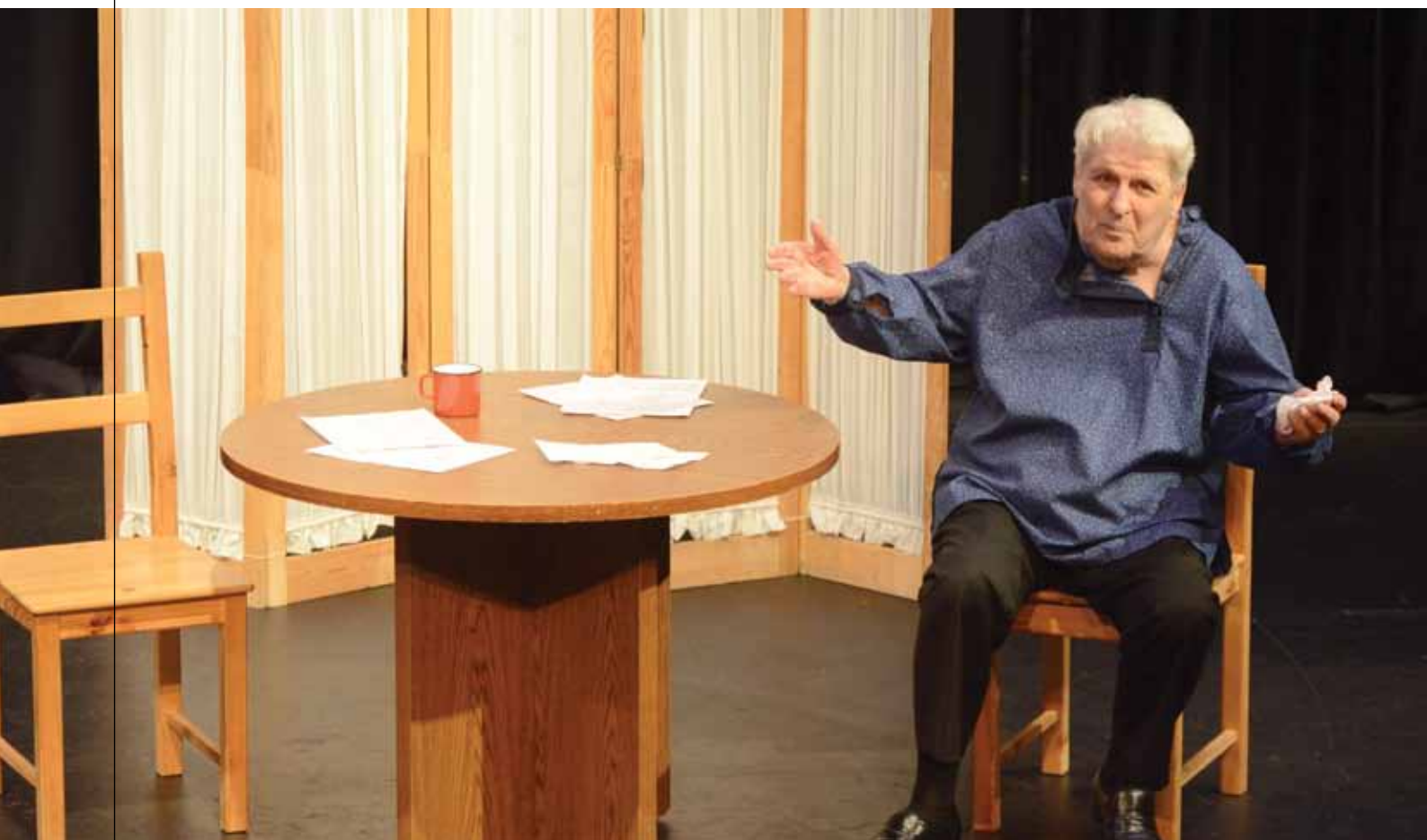
лодая женщина крушит свои работы. Любовь Андреева на протяжении всего спектакля держит взгляд зрителя. Бесконечно жалко эту яркую красивую бабочку, прилетевшую на огонь творчества и сгоревшую в нем!

Спектакль начинается хором боли – десяток ментально больных женщин плывет по сцене. Судорожный поворот головы, неестественно вздернутые плечи, торчащие ключицы, вывернутые колени, обреченные лица – у психической болезни множество утрированных черт. Одна из женщин – Камилла. Ее пришел проведать пожилой Роден. Но в воспаленном мозгу молодой женщины он главный враг, ворующий ее творческие идеи. И она отчаянно гонит Мастера. В последней сцене спектакля та же вереница ущербных женщин утаскивает за собой несчастную, крушащую все созданные ею скульптуры. Вдали потрясенный Мастер спасается работой, в очередной раз

высекая Мыслителя.

Спектакль заставил задуматься – что для нас Роден? Скульптуры Родена стали для цивилизованного человечества общими визуальными образами. Так, говоря о силе мысли, всегда представляем себе «Мыслителя», говоря о зрелой, либо первой любви – «Поцелуй» и «Вечную весну», думая о Боге – часто представляем мраморные руки Бога, лепящие прекрасное женское тело – сосуд любви, боли, нежности, отчаянья...

Эйфман из своего технически совершенного кордебалета и солистов – великих драматических артистов – ваяет действие балета. То действие, в котором напряжение существует в каждой точке. Невозможно избавиться от мысли, что Борис Эйфман – это современная реинкарнация Огюста Родена. Что его балеты будут бессмертными, как и скульптуры Родена.

Борис Казинец

«В ГОРОДЕ БЕРДИЧЕВЕ»

■ Зарина КУШЕЛЬМАН

Народный артист Грузии Б. М. Казинец сыграл «Эзопа» по Фигерейдо, и буквально через несколько дней позвонил и рассказал о новом замысле: сделать моносpectакль по рассказу Василия Гроссмана «В городе Бердичеве». «... Ну знаешь, по которому Аскольдов снял своего «Комиссара». ... Там вроде и играть-то нечего. Может, просто прочитать? Сделать литературную композицию, сесть за стол и прочитать...», – делился со мной Борис Михайлович Казинец. На следующий день снова звонок: – Нет, все-таки хочу сделать полноценный спектакль. Такой вот моносpectакль. Вот не знаю, будет ли это интересно зрителю? Но мне так хочется его сыграть, – делится со мной Казинец.

Спустя несколько дней: – На заднике хочу повесить «Купание Красного коня», Петрова-Водкина. – Гроссман ведь писал рассказ о революции...

И я понимаю, что Борис Михайлович уже в творческом процессе, размышляет, придумывает, делится сомнениями, но текст композиции уже складывается.

Опять звонок...

«...Ну, что думаешь? А будет ли интересно? Маленький рассказ. Диалогов почти нет. А какую музыку предложить? Может, Шнитке, лучше же нет...»

И вот уже в марте получаю пригласительный билет с афишкой спектакля «В городе Бердичеве». На ней летят влюбленные Шагала.

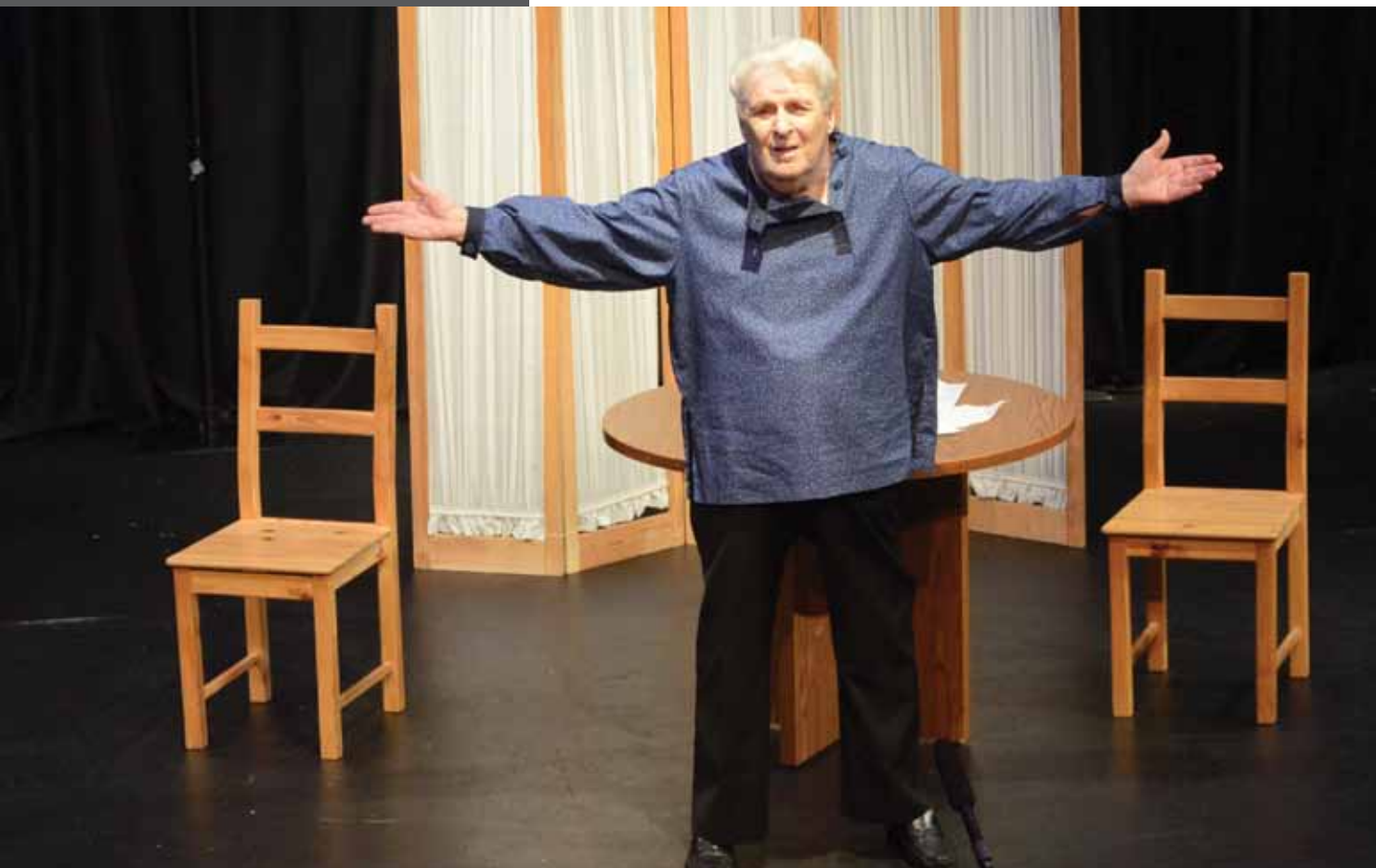
На 27-28 апреля 2019 года была объявлена премьера «Те-

атра Русской Классики». Лауреата международной премии «Заезда театрала» в категории «Лучший Русский Театр за рубежом» 2016 года.

Спектакль по произведениям В. Гроссмана, И. Бабеля, И. Уткина игрался два вечера в Randolph RD Theatre, где сцена как маленькая арена. Зрители возвышаются полукругом, а внизу под ярким светом играют спектакль. Первый ряд практически на сцене. Актер не отгорожен. Четвертой стены нет. Играть сложно.

Декорации скупые, минимальная. Деревянный стол, два стула, ширма, а над зрителем на огромном панно высоко летят герои картины Марка Шагала «Над городом».

Может, это маленький жестяничек Хаим Магазаник, по

Сцена из спектакля «В городе Бердичеве»

прозвищу Тутер, подхватив свою Бейлу, улетает из городка, от всей этой неразберихи, от всей этой революции и контрреволюции, от белых, красных, зеленых, от петлюровцев и денкинцев, от галичан и поляков, от Маруси и банды Тютюника, и еще бог знает от кого.

Под мелодию поминальной молитвы из мюзикла Журбина «Закат», сыгранной музыкантом и скрипачом Владимиром Гамарником, выходит рассказчик – народный артист Грузии Борис Казинец – и начинается действие. Он рассказывает о событии – незначительном с точки зрения той мировой революции, которую затеяли наши деды, – произошедшем в одном из многочисленных южных городков огромной страны, которой уже нет. ...О событии почти библейской значимости.

Борис Казинец рассказывает, танцует, поет, а перед нами возникают картины местечка,

где несмотря на жесточайшую, истребляющую войну, продолжается жизнь.

«...У древней синагоги, у ее желтых и равнодушных стен старые евреи продают мел, синьку, фитили, – евреи с бородами пророков, со страстными лохмотьями на впалой груди... Вот предо мной базар и смерть базара. Убита жирная душа изобилия. Немые замки висят на лотках, и гранит мостовой чист, как лысина мертвеца... Это текст не из рассказа Гроссмана, это мастерски вплетенный в композицию отрывок из рассказа Исаака Бабея «Гедали».

Но и старик Гедали, и жестящик Хаим Тутер со своей Бейлой и семью ребятишками и старухой матерью, и комиссарша Клавдия Вавилова, которая вздумала рожать и именно у Хаима Магазаника, – они все оттуда, из далекого времени, и все они оживают перед нами в спектакле, поставленном и сыгранном Борисом Казинцом.

Вот Бейла, которая успела родить семь раз и, к своему ужасу понимающая, что ничего о том, как рожать, как выхаживать, эта большая Вавилова – великанша с широкими бедрами – ничего не знает. И она, эта Бейла, рассказывает о нелегком материнском труде. «...О, это не простая вещь!» Бейла, как старый солдат, рассказывала молодому новобранцу о великих муках и радостях родов. «Рожать детей, – сказала она, – вы думаете, что это просто, как война: пиф-паф и готово. Ну нет, извините, это не так просто...» И она рассказывает Вавиловой о том, что они – эти дети – болеют... И о том, что они еще хотят кушать каждый день... И о том, что ни одного из этих – своих семерых – она не потеряла.

А Вавилова, внимательно слушавшая Бейлу, думает, что «впервые за все время ее беременности ей встретился человек, который говорит ей об этой тяжелой случайной неприятно-

После спектакля

сти, постигшей ее, как о счастливом событии, которое будто бы было самым важным и нужным в жизни Вавиловой...»

И мы, зрители, участвуем, соучаствуем, переживаем и сокрушаемся вместе с Бейлой – Казинцом и Вавиловой – Казинцом. Как будто перед нами не один актер и не скудная обстановка, а целый мир еврейского местечка с его запахами, звуками, шумом.

Это история о евреях, об их доброте, об их высоком древнем, генетическом понимании, что жизнь должна продолжаться... И относиться к этому явлению нужно, как к чуду. Это о народе, которого истребляли и еще будут истреблять... Да так, что мир содрогнется

Василий Гроссман написал маленький, проникновенный рассказ «В городе Бердичеве» в 1934 году, его высоко оценил Максим Горький. Василий Гроссман еще не ведал, что

грядет другая – большая – война и что он, Гроссман, напишет великий роман-эпопею «Жизнь и судьба» и что этот роман вызовет зоологическую ненависть у чиновников от литературы и органов госбезопасности. Они будут охотиться не только за рукописью, но и за копиркой от рукописи, чтобы изничтожить текст так, чтобы уж ничего не осталось, чтобы и восстановить было невозможно.

А пока мы видим в исполнении Казинца, как Тутер-Магазаник достает кроватку для ребенка и корыто, чтобы купать младенца. И видим перед собой краснолицую акушерку Розалию Самойловну, глядя на которую комиссарше Вавиловой казалось, что это приехал в штаб командарм. «...Он тоже был коренастый, краснолицый, сварливый, и приезжал он тогда, когда на фронте бывал прорыв...».

Казинец продолжает повествование... Перед нами ходит

по сцене и шумная, краснолицая и грозная акушерка Розалия Самойловна, и маленький Магазаник, который, вернувшись домой, понимает, что роды все еще продолжают, а в комнате у роженицы кто-то произносит такие крепкие, матерные слова, что Магазаник, послушав и покачав головой, плюет на землю: это Вавилова, ошалев от боли, в последних родовых схватках, сражалась с богом, с проклятой женской долей. Вот это я понимаю, – говорит Магазаник.

Вот это я понимаю: комиссар рожает. Мало мне своего, думает Магазаник, ...так вся партизанская бригада тоже должна в моем доме рожать. И Казинец воздевает руки вверх, и закрывает глаза руками, и покачивается, как покачиваются в молитве евреи вот уже 5 тысяч лет.

Вот точным жестом Борис Казинец провел по губам, и мы уже видим двух усатых, двух неловких, пропитанных табаком и конским потом мужиков, – Ко-

зырева и начальника штаба, – которые вошли как «два скрипящих сапога» и склонились над спящим младенцем, недоумевая, как это Вавилова, которая и на бабу не похожа, все-таки родила. Пришли проведать и сообщить о том, что покидают местечко, так как «поляк прет». Но пришлют двуколку с пропитанием...

В драматургической композиции Казинца рассказ не о революции, а о великой доброте и великом мужестве евреев.

Бейла, у которой семь своих тугерят, решительно сказала: «О чем говорить. Поляки завтра придут сюда. Так я хочу вам сказать. Поляки, не поляки, а австрияки, галичане, но вы можете остаться у нас. Кушать вам, слава богу, привезли столько, что хватит на три месяца...»

«Я не боюсь, – сказала Бэйла. – Вы думаете, я боюсь? Дайте мне пять таких, я не испугаюсь. Но где вы видели мать, которая оставляет ребенка, когда ему полторы недели?»

Зрители вовлечены в это великое эпохальное зрелище. Борис Казинец, подняв руки к небу, рассказывает нам, как будто приоткрывает занавес другого пространства. И мы видим южный город, где все вдруг замолкло перед приходом беды... Мы – зрители – вместе с жителями местечка, к своему удивлению, увидели отряд курсантов. ...Они были одеты в белые холщовые брюки и гимнастерки. «Пусть красное знамя собой означает идею рабочего люда», – протяжно и как будто печально пели они.

Они шли в сторону поляков. Почему? Зачем? И с той же интонацией, не меняя ритм, замечательный актер Борис Казинец продолжает говорить: «...Красивые, во всем красивом, Они несли свои тела, И, дыбя пенистые гривы, Кусали кони удила... А впереди, Как лебедь, тонкий, Как лебедь, гибкий не в пример, На пенящемся арабчонке, Скакал безусый офицер...» Казинец читает стихи Иосифа Уткина «Атака», которые были вплете-

С супругой Светланой

ны так естественно в ткань композиции, что никаких сбоев или шероховатостей в повествовании не было.

Два дня играл спектакль Борис Казинец, и в первый день финал был один, а в другой день – другой. Это произошло случайно, ибо в первый день, когда на стихи И. Уткина включается мелодия «Лехаим», зрители, не выдержав трагического накала, начали хлопать, не дав артисту закончить финальную сцену. Поэтому первый спектакль не заканчивался так трагически. В первом спектакле Вавилова продолжает вместе с остальными смотреть на курсантов, идущих в сторону вокзала туда, где уже орудуют поляки. Она остается со своим Алешенькой.

На второй день финал был гроссмановский...

А потом мы услышали, как будто увидели, как большая женщина, на ходу заряжая маузер, догоняла курсантов, идущих на верную смерть, оставив сына Алешеньку на замечательную Бейлу, которая ничего не боится, и ее Магазаника – Тугера. Она не сомневается, что оставляет своего сыночка на

верную жизнь...

А над залом ликующе лилась древняя, вечная как этот мир, синагогальная молитва «Лехаим», молитва за Жизнь.

Спектакль закончился. Многие плакали, хлопали, кричали браво и продолжали плакать. А замечательный актер, народный актер Борис Михайлович Казинец, на поклоне сказал: «...Я сделал этот спектакль только из-за одной фразы, которую говорит Старый Гедали у Бабеля... «Мы не невежды. Интернационал... мы знаем, что такое Интернационал. Я хочу Интернационала добрых людей...».

Борис Казинец 16 октября будет отмечать свое 89-летие. Я не удивлюсь, если завтра же он позвонит и скажет, что ко дню рождения хочет поставить что-то новенькое, давно уже им задуманное и захочет поделиться замыслом.

Отдельно хочу отметить работу Светланы Казинец – ассистента режиссера, верной подруги и жены Бориса Казинца, великолепную работу звукорежиссура А. Вовк и работу художника по костюмам О. Вовк.

Фото: Алекс Марин

МАЙСКИЕ ВЕРНИСАЖИ

■ Ирина КВЕЗЕРЕЛИ-КОПАДЗЕ

Нынешний май в Тбилиси был полон качественных художественных выставок. Наибольшим вкусом в подборе коллекций и дизайнерском оформлении, как всегда, отличились галереи Байи и ТВС банка.

На этот раз Байя Цикоридзе представила на суд зрителей экспозицию «Ехро 1919-2019», посвященную столетию открытия первой выставки грузинских художников. Многие участники той первой стали великими. Сегодня они почти в полном составе представлены в залах прекрасными работами из частных коллекций. Ладо Гудиашвили, Давид Какабадзе, Елена Ахвледиани, Мосе и Ираклий Тоидзе, Шалва Кикодзе, Валериан Сидамон-Эритави – вновь вместе! Но не только они, те, что шли за ними, создавая новые направления живописи, ломая каноны, тоже здесь – Кирилл Зданевич, Петр

Оцхели, Серго Кобуладзе, Василий Шухаев, Корнелий Санадзе, а следом – Мераб Абрамишвили, Отар Чхартишвили и другие превосходные мастера. Несколько поколений ценителей искусства любили маленькую галерею Байи на Шардена за изысканность и профессионализм. Но в новой большой галерее каждая выставка – драматический спектакль! Из стен белого кирпича, красных и лимонных стендов выступают на виртуальную сцену произведения живописи разных поколений и направлений. И если не все шедевры, то всегда лучшие образцы! Они так развешаны и расположены, что неминуемо вступают в активный диалог друг с другом, а то и в конфликт. Каждое произведение при этом проявляется с новой неожиданной стороны. Каждое ведет свою тему. Иногда ритмы произведений совпадают и возникает ре-

зонанс. Так огнедышащие горы Кирилла Зданевича попали в резонанс с расположенными под ними пирамидами Отара Чхартишвили. Тревожная красная стена с революционной конницей соседствует с трагедией, поданной с откровенным юмором в полотне Коте Сулаберидзе «Переход Суворова через Кавказ». Яркие крыши тбилисских домов на полотне Елены Ахвледиани с двух сторон поддерживаются сочными натюрмортами Зданевича. Все смягчается мягким пейзажем Василия Шухаева и романтической лирикой Корнелия Санадзе. Но воздух в галерее всегда наполнен удивительной вибрацией.

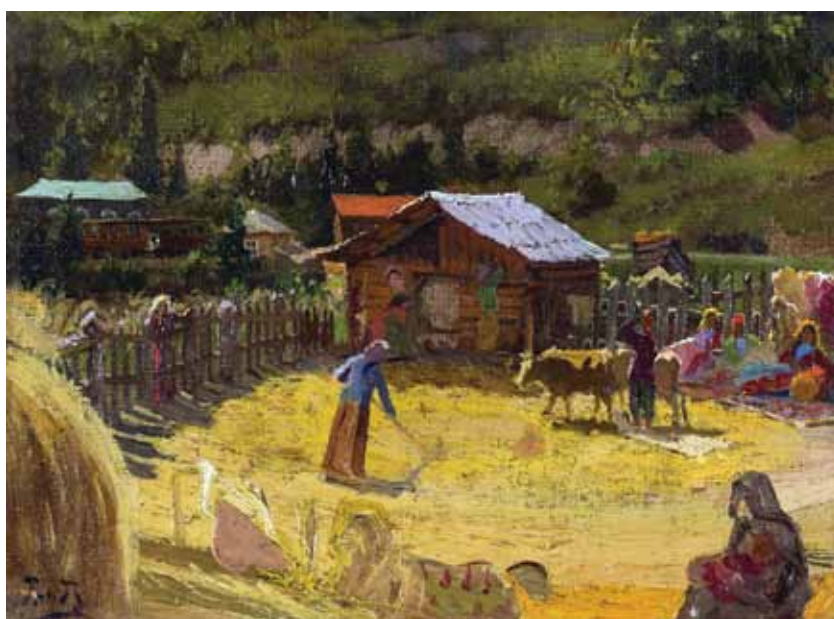
Новая юбилейная выставка Давида Какабадзе в галерее ТВС банка не менее театральна. Она красива, она экстравагантна, она авангардна, она тревожна и очень трагична! А еще, она очень

информационна. Человек умел все и все ему удавалось! Два автопортрета в бордовых тонах. Один в реалистической манере, другой – в кубистической. Оба написаны молодым человеком в один период в 1917 и 1914 годах. На одном изображена его привлекательная физическая природа, на втором – четкий математический ум ученого. Он таким и был – выпускник Петербургского физико-математического института и художественной студии Льва Дмитриева-Кавказского. Потом был Париж и все новейшие направления модернизма. В выставочном пространстве с ярких стендов две модернистские волны Давида Какабадзе – одна с фантастическими «органическими» абстракциями, другая с коллажами, пульсирующими бликами линз и металлов – разбиваются о реальность и превращаются в потрясающей красоты пейзажи Имерети, Сванети, Гурии. Приукрашенная советская действительность присутствует в них в виде розовых заводов и импрессионистски ярких митингов внизу полотен. Зрительский восторг от увиденного обрывается письмом Давида Какабадзе Сталину. Великого художника, ученого, профессора, известного исследователя древней грузинской архитектуры выгнали из Академии художеств, где он преподавал не один десяток лет. Униженный художник обратился к Сталину с просьбой найти для него какую-нибудь работу, чтобы семья не голодала. Художественное наслаждение и гнев на вечную несправедливость мира ощущает зритель, покидая выставку.

Перевалив за середину, май разразился феерической тбилисской ярмаркой современного искусства TAF. Три дня в двух огромных павильонах ExpoGeorgia было представлено все современное искусство. А это малый космос – с галактиками галерей со всего света, черными дырами фотоискусства, заклиненного на социальных трагедиях, большими и нарож-

Фрагмент экспозиции «Expo 1919-2019»

Давид Какабадзе

Имеретинский пейзаж

Имеретинский пейзаж

дающимися звездами и быстро сгорающими кометами. И если в первом павильоне представлен широкий спектр грузинских и иностранных художников (тех, кто смог оплатить не малый взнос участника), то во втором павильоне – галереи Тбилиси и других городов мира. Каждый павильон хорош по-своему. В центре индивидуального павильона огромный коллаж Тamar Надирадзе с новой сюрреалистической «сказкой для взрослых», а сбоку от нее огненно-рыжая «дива» на полотне Этер Чкадуа. Это центр экспозиции, и, на мой взгляд, лучшее. А вокруг: живопись, коллажи, рисунки ручкой на картонных упаковках, керамика, инсталляции, примитивное искусство, вышивка, и много еще восхитительной фантастической фантастической фантазии. У галерейщиков коралловый павильон Байи в одном конце зала уравнивается павильоном феерических латексных скульптур известной Саши Фроловой в другом конце. На этот раз у Байи фрески Мераба Абрамишвили и суперавангардные Нинико Мордебадзе и Заза Бердзенишвили. А вокруг в других тбилисских галереях, как россыпи жемчуга, Ираклий Тоидзе, Петре Оцхели, Давид Какабадзе, Гоги Чагелишвили, Алекс Бердышев. И этот восхитительный список – лишь на мой вкус. Сашу Фролову, поразившую весь художественный мир на показе Dolce&Gabbana, поддерживает «дневной дозор» из шести «инопланетян» во главе с Андреем Бартевым, который регулярно обходит всю территорию художественной ярмарки. Что же охраняет этот фантастический дозор? Возможно, наш художественный вкус и чувство прекрасного.

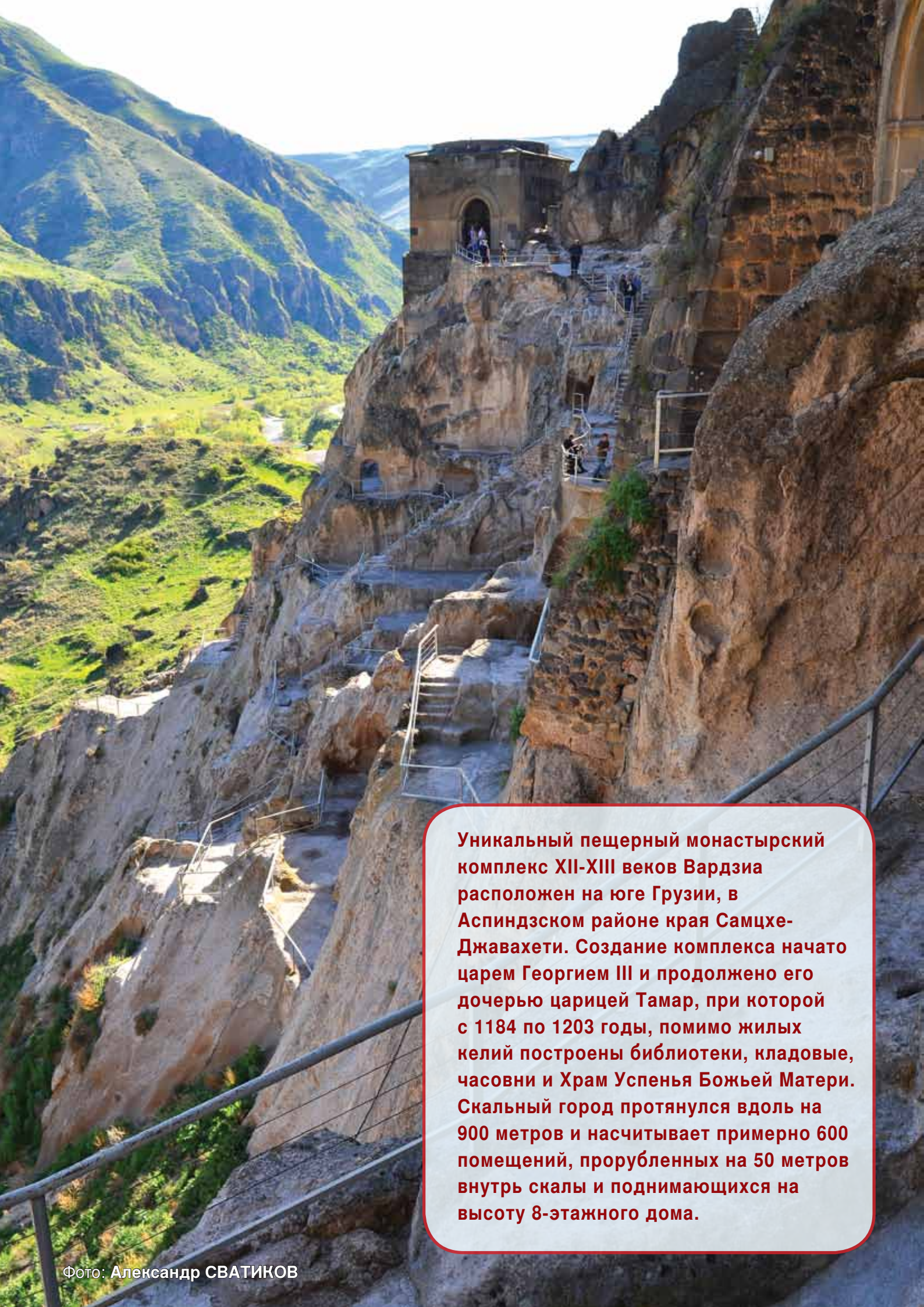
Май позволил всем желающим насладиться красотой. Хотелось бы, чтобы наша молодежь окунулась в этот источник красоты и жизнелюбия. И тоже захотела творить!

SINCE 1884

SARAJISHVILI

სარაჯიშვილი

Уникальный пещерный монастырский комплекс XII-XIII веков Вардзиа расположен на юге Грузии, в Аспиндзском районе края Самцхе-Джавахети. Создание комплекса начато царем Георгием III и продолжено его дочерью царицей Тамар, при которой с 1184 по 1203 годы, помимо жилых келий построены библиотеки, кладовые, часовни и Храм Успенья Божьей Матери. Скальный город протянулся вдоль на 900 метров и насчитывает примерно 600 помещений, прорубленных на 50 метров внутрь скалы и поднимающихся на высоту 8-этажного дома.